

История вопроса об авторстве «спорных текстов», приписываемых М. М. Бахтину¹

Н. Л. ВАСИЛЬЕВ

А н н а А н д р е в н а. Так, верно, и Юрий Милославский ваше сочинение?

Х л е с т а к о в. Да, это мое сочинение.

А н н а А н д р е в н а. Я сейчас догадалась.

(Н. В. Гоголь. Ревизор)

«— Но требуется же какое-нибудь доказательство... — начал Берлиоз.

— И доказательств никаких не требуется, — ответил профессор <...>»

(М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита)

«...вообще Бахтин был окружен сомнительными людьми»

(Л. Я. Гинзбург)

«Миша, как тебе не стыдно!»

(Е. А. Бахтина)

«Нет ни первого, ни последнего слова и нет границ диалогическому контексту <...> у каждого смысла будет свой праздник возрождения»

(М. М. Бахтин. К методологии гуманитарных наук)

1.

В 1973 г. один из авторитетнейших филологов — Вяч. Вс. Иванов сделал печатное заявление о том, что ряд книг и статей, вышедших в 1920-х гг. под именами В. Н. Волошинова и П. Н. Медведева, принадлежит перу Бахтина². Поскольку это произошло еще при жизни последнего и в какой-то мере с его молчаливого согласия³, научная сенсация вскоре стала фактом, казалось бы, не требующим никаких доказательств⁴. Ссылки на некоторые ра-

¹ Статья представляет собой развернутую версию доклада на XI Международной бахтинской конференции в Бразилии (г. Куритиба, 21—25 июля 2003 г.), дополненную анализом работ по этой теме, появившихся в последние годы, малоизвестными публикациями Бахтина и архивными материалами. Россия была представлена в Куритибе двумя участниками — Н. А. Паньковым и автором этих строк

² См.: *Иванов В. В.* Значение идей М. М. Бахтина о знаке, высказывании и диалоге для современной семиотики // Учен. зап. Тарт. ун-та. 1973. Вып. 308. С. 44. (То же: Диалог. Карнавал. Хронотоп [далее — ДКХ]. 1996. № 3. С. 5—58). Ранее та же информация прозвучала в выступлении В. В. Иванова в 1970 г. на заседании Объединения по структурной лингвистике в МГУ по случаю 75-летия Бахтина.

³ См.: *Иванов В. В.* Послесловие // ДКХ. 1996. № 3. С. 59.

⁴ См., например, суждения одного из самых ярких «приближенных» Бахтина: «Валентин Волошинов, Иван Канаев, Павел Медведев — у них есть и свои работы, превосходящие или попросту, но в иных статьях, книгах, как известно, спрятан Бахтин. Можно спорить о том, в какой мере и степени та или иная книга написаны непосредственно Бахтиным, да и то расхождение здесь должно быть не очень большое: 99 процентов или 95—96. Но «Марксизм в языкознании» и осо-

боты Волошинова и Медведева как на бахтинские стали обычным, если не сказать модным, явлением. Этому способствовало, в частности, то обстоятельство, что фамилии Медведева и Волошинова почти ничего не говорили исследователям послевоенного поколения. Ведь и само имя Бахтина выплыло из забвения лишь за десять лет до этого... Надо сказать, что выступление В. В. Иванова было своевременным и явилось закономерной реабилитацией многолетнего скромного «молчания» Бахтина как выдающегося исследователя-методолога.

Между тем многих ученых интересовали причины, по которым Бахтин и его друзья решились на такой необычный, едва ли не беспрецедентный в издательской практике авторский эксперимент. Ответы на этот вопрос — в том числе со ссылками на Бахтина — давались самые разные: необходимость в заработке; отсутствие у Бахтина связей в научно-издательском мире; его духовное бескорыстие; особое диалогическое отношение к творчеству; неумение доводить до конца ранее «проговоренные» работы; стремление помочь друзьям в их научной карьере; осторожность Бахтина, в условиях жесткого идеологического диктата скрывавшего свою индивидуальность под несколькими именами; реализация на практике теоретических положений о различных формах бытования «чужого слова»; неудача с публикацией под своим именем статьи «Проблема содержания, материала и формы в словесном художественном творчестве»; своеобразная авантюрная реакция ученого и его круга на всеобщее «разложение» и др.

Согласно господствовавшим к началу 1990-х гг. представлениям, Медведев и Волошинов не были профессиональными или, по крайней мере, достаточно самостоятельными исследователями. Поэтому делались выводы, что они согласились поставить свое имя на работах Бахтина по каким-то конъюнктурным, едва ли не корыстным соображениям. Реже высказывались предположения, что такого рода соавторство устраивало всех, включая Бахтина, не имевшего в те годы официального статуса ученого или не желавшего открыто приспособлять свой философский метаязык и методологию к марксистской идеологии. Волошинов и Медведев могли пойти на этот шаг, понимая, что иного пути опубликовать бахтинские труды в ближайшее время нет, а спустя несколько лет они потеряют актуальность. (В таком случае все действующие лица остаются на достойной этической высоте.)

Не до конца проясненные обстоятельства, касавшиеся «спорных текстов» вызывали естественное желание разобраться в существе дела, расставить все точки над *i*. Сомнения относительно исключительно бахтинского авторства высказывались и на Западе⁵. Концептуально же вопрос о необходимости от-

бенно «Формальный метод в литературоведении» — книги, созданные собственно Бахтиным, и уж тут-то спорить нам не о чем. Совершая своеобразный антиплагиат, учредив фиктивное авторство, одарив своих спутников 20-х годов гениальными трудами, нагромоздил Бахтин невообразимую путаницу. Да, конечно, с, нас хватило бы и книги «Проблемы творчества Достоевского». И все же затейливо это — приблизительно две трети работ ни с того, ни с сего как бы передоверить сверстникам. Нам подобного не понять» (*Турбин В. Н.* Эмиграция в МАСССР / Публ. и послесл. *О. В. Турбиной* // ДКХ. 1997. № 4. С. 100).

⁵ См., например: *Gardin B.* Chronique linguistique: Volochinov ou Bakhtine? // *La pensée*. Paris,

ветственного, взвешенного разговора по этому поводу был поставлен на родине ученого в 1991 г.⁶ В указанных двух публикациях с помощью разного рода аргументов, прежде всего сравнительно-статистического анализа, доказывалось, что книги «Марксизм и философия языка», «Проблемы творчества Достоевского», вышедшие в 1929 г., не могли быть написаны одним автором, т. е. только Бахтиным, — и делался следующий вывод: «Анализ методологии, терминологии, содержания обеих книг, их композиции, архитектоники, отдельных элементов стилистики, а также внимательное рассмотрение эволюции творчества М. М. Бахтина (он называл себя философом, литературоведом, но никогда не говорил о себе как лингвисте. — *Н. В.*) свидетельствуют о недостаточности аргументов для приписывания ему книги “Марксизм и философия языка”. Очевидно, в данном случае мы должны говорить о диалогическом влиянии ученого на своего товарища по жизни и научным интересам»⁷. Нужно признать, что в основе весьма смелого по тем временам и категоричного отрицания авторства Бахтина лежала еще и определенная «сверхзадача» — вызвать реакцию контраргументации со стороны лиц, причастных к изданию бахтинских трудов в России и ведавших его литературным наследством.

Появление указанной статьи привело к «необратимой ядерной реакции», породив дискуссию и череду публикаций, прямо или косвенно поддерживавших ту или иную точку зрения⁸. Можно сказать, что данный вопрос стал в 1990-х гг. одним из наиболее интригующих и стимулирующих в плане изучения биографии Бахтина, его окружения и литературного наследства

1978. Fevr. (№ 197). P. 87—100; *Perlina N. Bakhtin — Medvedev — Voloshinov: an apple of discourse* // Univ. of Ottawa quarterly. 1983. № 1. P. 35—47; *Titunik I. R. Bakhtin and/or Voloshinov and/or Medvedev: dialogue and/or doubletalk* // Language and literary theory. Ann Arbor, 1985. P. 535—564; *Morson G. S. The Bakhtin industry* // Slavic and East European journal. Tucson, 1986. Vol. 30. № 1. P. 81—90; *Titunik I. R. The Bakhtin problem: Concerning “Mikhail Bakhtin” by Clarc K. and Holquist M* // Ibid. P. 91—95; *Morson G. S., Emerson C. Mikhail Bakhtin: Creation of a Prosaics*. Stanford, 1990. P. 102—118.

⁶ См.: *Васильев Н. Л.* К вопросу об авторстве книги «Марксизм и философия языка», приписываемой М. М. Бахтину // М. М. Бахтин и методология современного гуманитарного знания: Тез. докладов участников вторых саранских Бахтинских чтений. 28—30 янв. 1991 г. Саранск, 1991. С. 43—45; *Он же.* М. М. Бахтин или В. Н. Волошинов? (К вопросу об авторстве книг и статей, приписываемых М. М. Бахтину) // Лит. обозрение. 1991. № 9. С. 38—43.

⁷ *Васильев Н. Л.* М. М. Бахтин или В. Н. Волошинов? С. 42.

⁸ См., например: *Медведев Ю. П.* «Нас было много на челне...» // ДКХ. 1992. № 1. С. 97—98; *Осовский О. Е.* Бахтин, Медведев, Волошинов: Об одном из «проклятых вопросов» современного бахтиноведения // Философия М. М. Бахтина и этика современного мира. Саранск, 1992. С. 39—54; *Ерохин В. Н., Ружцкой И. В., Строганов М. В.* Волошинов или Бахтин? (К вопросу об авторстве «Марксизма и философии языка») // Актуальные проблемы филологии в вузе и школе: Мат. 7-ой Тверской межвуз. конф. ученых-филологов и школьных учителей. Тверь, 1993. С. 148—149; *Бочаров С. Г.* Об одном разговоре и вокруг него // Новое лит. обозрение. 1993 (№ 2). С. 74 и др.; *Конкин С. С., Конкина Л. С.* Михаил Л. С. Строганов (Страницы жизни и творчества). Саранск, 1993. С. 15, 16, 132—134, 137, 147—149, 356—357; *Конкин С. С.* О М. Бахтине и его соавторах // Лит. обозрение. 1995. № 2. С. 45—48; *Паньков Н. А.* Мифологема Волошинова // ДКХ. 1995. № 2. С. 66—69; *Пеишков И. В.* Один вопрос вокруг двух конференций // ДКХ. 1995. № 3. С. 179; *Иванов В. В.* Об авторстве книг В. Н. Волошинова и П. Н. Медведева // ДКХ. 1995. № 4. С. 34—39; *Пеишков И. В.* Новый органон (ч. 1. Бахтинский вопрос и др. разделы) // *Бахтин М. М.* <Тетралогия>. М., 1998. С. 542—590; *Алпатов В. М.* Кружок М. М. Бахтина и проблемы лингвистики // ДКХ. 2000. № 2. С. 5—30; Он же. Волошинов, Бахтин и лингвистика. М., 2005. С. 94—118.

«бахтинского круга», причем не только в России, но и за рубежом⁹.

Прежде всего выяснилось, что ближайшие друзья и потенциальные соавторы ученого не были людьми, далекими от академической науки и, следовательно, их общение с Бахтиным основывалось не только на личных симпатиях, но и общности научных интересов. Медведев (1891/92 — 1938), во многом благодаря исследованиям его сына, предстал более глубоким и разносторонним литературоведом, чем это казалось ранее¹⁰. Волошинов (1895 — 1936), биография которого почти не была известна, стал восприниматься как сложившийся гуманитарий, оставивший заметный след в научной жизни своего времени¹¹. Достаточно сказать, что кроме незаконченного юридического он получил и филологическое образование в Петроградском университете, которое продолжил в аспирантуре Института сравнительной истории литератур и языков Запада и Востока (ИЛЯЗВ), став заметным фигурантом в научной жизни Ленинграда. Попытки некоторых исследователей, в основном сторонников бахтинского авторства «спорных работ», дискредитировать Волошинова, представить его как своеобразного выскочку, пытавшегося играть роль ученого, а фактически озвучивавшего мысли «кукловода» Бахтина¹², явно несостоятельны. Волошинов был не просто само-

⁹ См., например: *Shepherd D.* Introduction: (Mis)Representing Bakhtin // Bakhtin: carnival and other subjects: (Selected Papers from the Fifth International Bakhtin Conference University of Manchester, July 1991). Amsterdam — Atlanta, 1993. P. XXII — XXIII; *Coates R.* Christianity in Bakhtin: God and the exiled author. Cambridge, 1998. P. 57—58; *Hirschkop K.* Mikhail Bakhtin: An Aesthetic for Democracy. Oxford, 1999. P. 311.

¹⁰ См., например: *Медведев Ю. П.* Витебский период жизни П. Н. Медведева // Бахтинские чтения — I. Витебск, 1996. С. 63—86; *Медведев Ю. П., Медведева Д. А.* Творческое наследие П. Н. Медведева в свете диалога с М. М. Бахтиным // ДКХ. 2001. № 2. С. 73—94.

¹¹ См., в частности: *Васильев Н. Л.* В. Н. Волошинов: Биогр. очерк // Волошинов В. Н. Философия и социология гуманитарных наук. СПб., 1995; *Он же.* Личность и творчество В. Н. Волошинова в оценке его современников // ДКХ. 2000. № 2. С. 31—69.

¹² См. в связи с этим следующий «анекдот»: «Как В. Н. Волошинов нес бремя своей книги? С. Г. Бочаров рассказал мне две версии анекдота, которые циркулировали в питерских научных кругах вроде бы еще с 30-х годов. Согласно первой из них, Волошинов в панике прибегает к Бахтину и говорит: «На такое-то число назначено обсуждение книги (речь идет о книге «Марксизм и философия языка». — Н. В.). Наверняка будут вопросы! Что делать?!» А Бахтин ему невозмутимо отвечает: «Не надо беспокоиться! Сейчас я продиктую, какие будут вопросы, а потом расскажу, как и что на них отвечать...». По второй же версии, Бахтин советует Волошинову сказать, что на вопросы он ответит через день...» (*Паньков Н. А.* Мифологема Волошинова (несколько замечаний как бы на полях архивных материалов) // ДКХ. 1995. № 2. С. 67). Отметим некоторые детали в «мифологеме» данного анекдота. Во-первых, он не учитывает то обстоятельство, что Волошинов уже был к тому времени автором «чуждой» книги — «Фрейдизм» (1927) и, следовательно, мог бы сделать вывод, что за «свое» слово придется отвечать. Во-вторых, литературная байка метит не только в Волошинова, но и в Бахтина, представляя последнего в качестве пророка, ясновидца. Очевидно, какие-то бытовые основания для формирования обоих подтекстов указанного анекдота имелись: о Волошинове могли сплетничать, что он находится под влиянием малоизвестного в научных кругах друга; а о Бахтине — как о «темной лошадке» с выдающимися аналитическими способностями. Предваряя указанную публикацию исключительно важных архивных материалов, Н. А. Паньков пишет: «В заключение упомяну только о следующем. Свидетельствую, что «План» книги «Марксизм и философия языка» и ее автореферат написаны каким-то иным почерком, нежели отчеты, заполненные и подписанные В. Н. Волошиновым. Что это может значить — не знаю. Насколько я могу судить, — почерк этот принадлежит НЕ М. М. Бахтину. Кому? Тоже не знаю. Загадка!» (С. 69). Однако спустя некоторое время Д. А. Юнову удалось установить, что

бытным исследователем, но и во многом развивался независимо от Бахтина — под влиянием филологической среды Ленинградского университета и других научных организаций северной столицы¹³. Личность любого ученого раскрывается не только в его печатных трудах, но и в ежедневном, будничном общении с коллегами, студентами, в диалогах, спорах, дискуссиях, административных действиях и т. д. В документах своего времени Волошинов выглядит достойно во всех названных амплуа.

Постепенно отпал и такой довод в пользу авторства Бахтина, что Волошинов мало проявил себя как исследователь после высылки своего друга в Кустанай. Во-первых, удалось установить, что в начале 1930-х гг. — после резкой активизации идеологической борьбы в СССР — Волошинов попал наряду со многими другими языковедами под пресс критики со стороны марристов и одновременно их оппонентов — группы «Языкфронт», вследствие чего вынужденно замолчал. Во-вторых, в 1930 г. произошла реорганизация ИЛЯЗВа, а затем и его правопреемника — Института речевой культуры, закончившаяся в 1932 г. закрытием последнего, после чего Волошинов в основном сосредоточился на преподавательской деятельности в качестве доцента и профессора соответственно в ЛГПИ и ЛИПКРИ. В-третьих, обнаружилось, что вскоре исследователь серьезно заболел (у него активизировался процесс легочного туберкулеза), результатом чего стала преждевременная смерть ученого. Наконец, были выявлены и ранее не известные работы Волошинова, в том числе монографические, датированные указанным периодом¹⁴.

В создавшихся условиях сторонники бахтинского авторства стали говорить прежде всего о методологической и стилистической близости автори-

таинственный почерк принадлежит второй жене Волошинова (с первой — Н. А. Волошиновой — он развелся в 1925 г.). Это, впрочем, лишь знак деятельного, не исключено что и согласованного, участия супруг Волошинова и Бахтина (см. далее) в работе их мужей. С. Г. Бочаров сообщает: «Кроме того, ведь есть показания современников и свидетелей тех отдаленных событий, зафиксированные тоже, как правило, не одним собеседником, — вдовы В. Н. Волошинова, Нины Аркадиевны Волошиновой (которая говорила мне в апреле 1975 г. о книгах «Фрейдизм» и «Марксизм и философия языка»: «Эти книги написал Михаил Михайлович» — и то же подтвердила в письме югославскому переводчику и издателю книги «Марксизм и философия языка» Радовану Матишевичу от 14. III. 1978) <...>» (Бочаров С. Г. Указ. соч. С. 73). По словам же Д. А. Юнова, основанному на общении с сыном Волошиновых — Б. В. Волошиновых — Б. В. Волошиновым, в конце 1920-х гг. отношения между супругами разладились, после чего В. Н. Волошинов женился вторично. Следовательно, Н. А. Волошинова могла не знать всех деталей сотрудничества ее бывшего мужа с Бахтиным.

¹³ См. также: *Васильев Н. Л.* К научной биографии В. Н. Волошинова и текстологии книги «Марксизм и философия языка» // Невельский сборник: Ст. и воспоминания. Вып. 11: По материалам Двенадцатых Невельских Бахтинских чтений (1—4 июля 2005 г.). СПб., 2006. С. 71—84; Он же. К текстологии книги В. Н. Волошинова / М. М. Бахтина «Марксизм и философия языка» // Из истории филологии: Сб. ст. и материалов к 85-летию Г. В. Краснова. Коломна, 2006. С. 36—52. *Он же.* К текстологии книги В. Н. Волошинова «Марксизм и философия языка» // Proceedings of the XII International Bakhtin Conference (Juväskulä, Finland, 18—22 July, 2005) / Ed. by M. Lähtenmäki, H. Dufva, S. Leppänen and P. Varis [Department of Languages University of Juväskylä, Finland 2006]. P. 53—60 (компакт-диск).

¹⁴ Об этом было заявлено в выступлениях Д. А. Юнова на VII Международной бахтинской конференции в Москве в 1995 г. (в прениях) и Международных бахтинских чтениях в Витебске в 1998 г. (в докладе). См. также: *Зольников В. В.* Колеблемые треножки жрецов. Третьи Бахтинские чтения (Витебск. 23—25 июня 1998 года) // ДКХ. 1998. № 3. С. 178—179.

зованных и «спорных» произведений Бахтина. Действительно, стыковки тех и других текстов порой удивительны и вряд ли случайны. Мы можем обнаружить, в частности, идентичные резюме во многих сочинениях, вышедших из «круга Бахтина»: «Остается подвести итоги...», «Теперь остается только подвести итоги...», «Теперь мы можем подвести некоторые итоги»; «Остается подвести краткий итог» и т. п.¹⁵. Но одновременно в приписываемых Бахтину работах встречаются такие мысли и термины, которые не были ему свойственны на протяжении всего творческого пути, находятся в противоречии с его собственными высказываниями. Так, в описании типологии художественной речи в романах Ф. М. Достоевского Бахтин вовсе не упоминает о несобственно-прямой ее разновидности, хотя, казалось бы, очевидно на направленность последней на выражение «чужого слова». Между тем в «Марксизме и философия языка» данному синтаксическому явлению посвящена целая глава («Несобственная прямая речь во французском, немецком и русском языке»); во вводной ее части отмечается, что «явление *несобственной прямой речи в русском языке* <...> еще никем не было указано и описано»¹⁶. Говоря о косвенной и прямой речи, Волошинов выделяет следующие «модификации» обеих: предметно-аналитическая, словесно-аналитическая, импрессионистическая, *подготовленная прямая речь, овеществленная прямая речь, предвосхищенная и рассеянная чужая речь, риторическая прямая речь, замещенная прямая речь*¹⁷. Ничего подобного — ни в концептуальном, ни терминологическом плане — мы не находим у Бахтина. Рассуждая о типах художественного слова Ф. М. Достоевского, он дает совершенно иную классификацию и при этом ничего не говорит о косвенной речи. Объяснить данное противоречие, продолжая думать, что обе книги созданы одним автором, нельзя. Это касается и некоторых других «спорных текстов». Книга «Фрейдизм» (1927 г.) написана с несвойственной Бахтину установкой на широкого читателя, энергичностью, прямолинейностью разворачивания мысли. В статье «О границах поэтики и лингвистики» (1930 г.), также приписываемой ученому, заметно сильное волошиновское начало, особенно ярко проявившееся в цикле статей, опубликованных в «Литературной учебе»: посвящение его коллеге по ИЛЯЗВу «Николаю Васильевичу Яковлеву», иронические эпиграф и концовка, воинствующий марксизм, марризм, недооценка индоевропеистики, ссылки на работы самого Волошинова, в том числе по теории музыки, полемика с П. Н. Медведевым, идеологический ригоризм — чего мы не находим в авторизованных трудах Бахтина.

Анализ истории создания, концептуальности и стилистики книги «Марксизм и философия языка: Основные проблемы социологического метода в науке о языке» показывает, что она состоит из двух разнородных частей, принадлежащих разным авторским субъектам: первые ее части написаны, как нам представляется, в основном Бахтиным, третья и предисловие к самой книге — Волошиновым. Объясняется это тем, что данная книга была

¹⁵ См.: *Васильев Н. Л.* М. М. Бахтин или В. Н. Волошинов? С. 41; *Он же.* В. Н. Волошинов: Биограф. очерк. С. 20—21 (отметим, однако, досадное отсутствие корреляции нашей вступительной статьи и опубликованных Д. А. Юновым волошиновских текстов).

¹⁶ Цит. по: *Волошинов В. Н.* Философия и социология гуманитарных наук. С. 220.

¹⁷ Там же. С. 346—356.

скомпонована из двух «волошиновских» монографий, одновременно фигурировавших в издательском плане ИЛЯЗВа в 1928 г. — «Проблема передачи чужой речи: (Опыт социо-лингвистического исследования)» (10 п. л.) и «Марксизм и философия языка (основы социологического метода в науке о языке)». Самим Волошиновым или его руководством, вероятно, был сделан выбор в пользу более актуального исследования, которое, однако, на заключительной стадии редакционной подготовки включило в себя в качестве третьей структурной части основное содержание первой монографии¹⁸. Если первые две части книги насквозь теоретичны (речь в них и формально, и по существу идет о проблематике философии языка), то ее третья часть имеет в большей степени фактографическую направленность, термин *филология языка* в ней вообще не встречается¹⁹. Из этого вытекает, что а) либо Бахтина, помимо трех известных монографий, надо приписывать и книгу «Проблема передачи чужой речи», в основе которой предположительно лежала аспирантская диссертация его друга; б) либо она была написана вообще кем-то другим... Одновременно мы не можем исключать изначальные соавторские намерения Бахтина и Волошинова, по каким-то причинам не закрепленные ими официально.

Новые документы (архивные данные, воспоминания, письма корреспондентов Бахтина), опубликованные в 1990-х гг., к сожалению, не раскрывают в полной мере тайны создания «спорных текстов», а скорее делают ее более загадочной, вследствие противоречивости многих фактов, недоговоренности, двусмысленности.

Так, В. В. Иванов сообщает: «После того, как в предыдущих разговорах со мной Бахтин удостоверил свое авторство применительно ко второй книге Волошинова и книге Медведева, во время очередной встречи я задал ему вопрос о книге Волошинова “Фрейдизм”. Бахтин нехотя процедил: “Да, и в этой книге основную часть я написал”. При разговоре присутствовала жена Бахтина Елена Александровна. Она возмутилась: “Да что ты, Мишенька, говоришь! Я же под твою диктовку всю эту книгу своей рукой написала”. Бахтин нехотя согласился»²⁰. Ср. также воспоминания С. Г. Бочарова: «Я решил тогда спросить о причинах странного авторства этой книги («Марксизма и философии языка». — Н. В.) и книги П. Н. Медведева о формальном методе; эта тема впоследствии возникла в разговорах не раз. Он ответил небольшим монологом, который был произнесен с известным пафосом

¹⁸ См.: Васильев Н. Л. К истории книги «Марксизм и философия языка» // Бахтин М. М. <Тетралогия>. М., 1998. С. 532—535.

¹⁹ Ср. также наблюдения над «аритмичным» использованием в разных частях книги латинских варваризмов (Ерохин В. Н., Ружижский И. В., Строганов М. В. Указ. соч.), на основании чего исследователи из Твери, полагающие что «латинизмы» не характерны для работ Бахтина, делают следующий вывод: «Вторая часть и первые три главы третьей части были, по всей видимости, написаны Бахтиным и не подвергались стилистической правке со стороны Волошинова. <...> Сложнее вопрос об авторстве последней, четвертой главы третьей части. Идеи данной главы не выходят за рамки общей концепции книги, однако ее композиция и отчасти стиль не полностью совпадают с предшествующими главами, что дает возможность предположить авторство Волошинова, который в это время работал над диссертацией по теме, совпадающей с темой данной главы — несобственно прямая речь. Эта глава, написанная Волошиновым, вероятно, отредактирована Бахтиным, поэтому в ней не встречаются латинизмы <...>» (С. 149).

²⁰ Иванов В. В. Об авторстве книг В. Н. Волошинова и П. Н. Медведева. С. 136—137; Он же. Голубой зверь // Звезда. 1995. № 3. С. 176—177. Ср. также: Бочаров С. Г. Указ. соч. С. 70—71, 73, 76.

<...>: — Видите ли, я считал, что могу это сделать для своих друзей, а мне это ничего не стоило, я ведь думал, что напишу еще свои книги, и без этих неприятных добавлений (тут он кивнул с гримасой на заголовок)»; «Когда-то наша первая встреча с Михаилом Михайловичем в июне 1961 г. в Саранске (нас было трое перед ним: В. В. Кожин, Г. Д. Гачев и я) началась с его декларации о себе: он не литературовед по призванию, а философ. «Но я не марксист», — прибавил он тут же, чтобы мы сразу же знали, с кем имеем дело. Позже я спрашивал (21. XI. 1974): “М. М., может быть, вы увлекались какое-то время марксизмом?” — “Нет никогда. Интересовался, как и многим другим, — фрейдизмом, даже спиритизмом. Но марксистом никогда не был ни в какой мере”»²¹.

С. А. Лейбович, чьи воспоминания как редактора бахтинских книг выглядят наиболее развернутыми и независимыми от подтекста споров об авторстве анализируемых работ, повествует о поездке к Бахтину в 1970 — 1971 гг. в Климовск (Гривно) и разговоре, в котором ученый сам коснулся деликатной темы: «Он рассказал о том, что в 20-е годы много писал по вопросам истории и теории литературы, искусства, философии. Большинство его работ тех лет так и осталось в набросках, черновиках, не дописанными до конца, только книга о Достоевском вышла в 1929 году, да еще две книги было напечатано под именами его друзей: “Марксизм и философия языка” <...> и “Формальный метод в литературоведении” <...>. В ответ на мои недоуменные вопросы М. М. рассказал о причинах, побудивших к этому “озорству” и его самого, и его друзей»; «Прежде всего, объяснял М. М., обоим его друзьям было необходимо выступить в печати со своими трудами — для, так сказать, профессиональной карьеры. Волошинову — для поступления в аспирантуру, Медведеву — для защиты диссертации. И М. М., как я поняла, охотно передал им свое авторство»²²; «Но не только в этом было дело. М. М. был рад предоставившейся ему, как он считал, единственной возможности издать свои труды. Противясь редакторскому диктату, он не соглашался ни на какие, даже самые незначительные изменения в своем тексте, был непреклонен и отказывался от публикации. Но, с другой стороны, М. М. занимал активную позицию в литературной борьбе, менее всего был “кабинетным” ученым и писал не “для стола”, искал встречи с читательской аудиторией. Так вот, ради этой встречи он был готов на своеобразный “трюк”. Даже с правкой — пусть книга найдет свой путь к людям, обретет свое общественное бытие, но — при одном условии: без его фамилии, под другим именем...»; «На мой естественный вопрос: почему же хотя бы теперь М. М. не объявит о своем авторстве официально — он ответил примерно так: “Нет, это невозможно, ведь я же подарил им эти работы, это по д а р о к. Кроме того, Волошинова и Медведева давно нет в живых — как же можно без их ведома!...”. Дареное не берут обратно. Такова была воля М. М., которую и нам сейчас необходимо учитывать...”»²³.

Однако В. А. Свительский, тоже ссылаясь на разговор с ученым, пере-

²¹ Бочаров С. Г. Указ. соч. С. 71, 76—77

²² Заметим, что Волошинов учился в аспирантуре с ноября 1926 г. (см.: ЦГАЛИ СПб. Ф. 288. оп. 1, д. 37. Л. 48). Кроме того, вряд наличие книг являлось необходимым условием для поступления в аспирантуру или ее окончания. О требованиях к выдвинутым в аспиранты в ЛГУ см.: Васильев Н. Л. Личность и творчество В. Н. Волошинова в оценке его современников. С. 57 (прим. 28).

²³ Тридцать лет спустя: Редактор «Рабле» С. Л. Лейбович вспоминает о подготовке книги к изданию // ДКХ. 1997. № 1. С. 162—163. Публикатор этого интервью — Н. А. Паньков отмечает, что

дает следующее: «...отвечая на вопрос об авторстве книг, подписанных именами Медведева и Волошинова, Михаил Михайлович назвал своим созданием книгу о формальном методе. <...> Про другие же работы Бахтина сказал, что в них выражены его идеи, развитые им в лекциях для круга учеников»²⁴.

Таким образом, в процитированных мемуарах разных лиц, общавшихся с ученым, излагаются три (!) версии авторства «спорных» книг: по одной, все они в основном написаны Бахтиным; по другой, только две из них; по третьей, лишь одна...

Есть и более гибкая трактовка причастности Бахтина к созданию указанных книг, переданная тоже со ссылкой на самого ученого: «В один из вечеров (в начале 1970-х гг. — *Н. В.*) я вновь завел разговор <...> о тех его книгах, которые он опубликовал в 1920-х гг. под именем В. Н. Волошинова и П. Н. Медведева. <...>. Михаил Михайлович заметил, что ему принадлежала большая часть этих книг, их методология, принципиальные обобщения и выводы. Некоторую работу над рукописями названных книг выполнили и сами В. Н. Волошинов и П. Н. Медведев»; «“Почему же Вы, Михаил Михайлович, не опубликовали своих исследований под своим именем?” — продолжал я. — “В то время я не придавал этому большого значения. К тому же обстоятельства тогда требовали, что лучше было бы сделать так, как сделано”, — услышал я в ответ»²⁵.

Интригуют и косвенные свидетельства об авторстве «спорных» книг, принадлежащие известным филологам. Так, в письме в НКВД 22 февраля. 1940 г. по поводу ареста Медведева, к тому времени уже негласно расстрелянного за участие в «антисоветской деятельности», В. А. Десницкий сообщил: «На моих глазах происходила и научно-исследовательская работа П. Н. <...> Его наиболее ценная работа (“Формальный метод в литературоведении”) проведена и выполнена, в значительной мере, с использованием моих указаний и советов»²⁶; «Покойная член-корреспондент РАН А. В. Десницкая хорошо знала В. Н. Волошинова, его книги “Фрейдизм” (1927) и “Марксизм и философия языка” (1929). Работа над ними велась под руководством В. А. Десницкого. Учтя, что А. В. Десницкая была лингвистом и неоднократно беседовала с В. Н. Волошиновым по широкому кругу вопросов теоретического языкознания, причем участником этих бесед был А. А. Холодович, у нас нет оснований оспаривать ее свидетельство о том, что книги эти были написаны В. Н. Волошиновым (хотя последний мог обсуждать их также с Бахтиным, пользоваться его помощью и поддержкой)»²⁷; «Говоря о книге “Марксизм и философия языка”, А. А. Реформатский вспомнил, что в свое время было известно об авторстве трех лиц, выпустивших эту работу (“как у Козьмы Прутков” — его слова) под

«воспоминания С. Л. Лейбович на сей счет представляют собой как свидетельство, так и мнение по дискуссионному вопросу <...>» (с. 186, прим. 33).

²⁴ *Свительский В. А.* Идеи М. М. Бахтина и современное изучение русской литературы XIX века // М. М. Бахтин и перспективы гуманитарных наук. Витебск, 1994. С. 119.

²⁵ *Конкин С. С.* Ученый с мировой известностью // Штрихи к портретам. Саранск, 1990. С. 79.

²⁶ Цит. по: *Медведев Ю. П.* «Нас было много на челне...». С. 94.

²⁷ *Фридендер Г. М.* Наследие М. М. Бахтина вчера и сегодня // Рус. литература. 1993. № 3. С. 200. Заметим, однако, что если А. А. Холодович (1906—1977), фигурировавший в научном окружении Волошинова, в самом деле мог являться полноправным «участником» таких бесед, то родившаяся в 1912 г. А. В. Десницкая, скорее, была их «слушателем». Но несомненно, что к началу 1930-х гг. последняя могла составить для себя достаточно объективный портрет Волошинова.

именем В. Н. Волошинова, но главным был М. М. Бахтин. <...> Примерно в то же время (начало 70-х гг.) в Москву приезжала А. В. Десницкая, к которой я обратилась, как к ленинградке, с вопросом о В. Н. Волошинове, и она мне сказала, что знала реального человека, носившего это имя: он был учеником (аспирантом) ее отца В. А. Десницкого, увлекался лингвистикой и что-то писал на эти темы. Умер он действительно молодым в 30-е годы от туберкулеза. О его связях с М. М. Бахтиным она ничего не могла добавить»²⁸; «Ну конечно, я очень хорошо знаю книгу Бахтина о Достоевском и считаю ее одним из самых блестящих явлений нашей науки за последние десятилетия. <...> Других книг под его [Бахтина] именем нет: он, участвовал, говорят, в написании книги Волошинова о языкознании и марксизме и написал один раздел для книги Медведева о формализме» (Г. А. Гуковский — Д. Е. Максимуму. 1. 08. 1943)²⁹; «Кроме “Достоевского” я знаю еще две книги, которые молва приписывает Вам. Думаю, что п и с а н ы они не прямо Вашей рукой, ибо в них не тот язык, что в “Достоевском”, — очень памятный язык, философски-экспрессионистический» (Н. Я. Берковский — М. М. Бахтину. 18. 01. 1956)³⁰.

В своем большинстве российские исследователи данного вопроса считают, что марксистский слой указанных книг принадлежит не Бахтину, а его соавторам или неофициальным редакторам книг; между тем В. В. Иванов оспаривает это мнение: «Из разговора с Бахтиным мне стало ясно, что главной причиной его появления “под маской” <...> были условия цензуры. Не только в заглавии, но и в содержании книг необходим был такой компромисс с официальной идеологией, на который Бахтин не был готов пойти. Но он согласился написать тексты, которые стилизованы в духе компромисса, в то время требовавшегося. Я полагаю, что при серьезном исследовании этих книг <...> можно выделить два разных “голоса” (в бахтинском смысле). Один из них принадлежит Бахтину, другой — предполагаемому фиктивному автору, стоящему на официальной марксистской точке зрения»; «То, что в книгах, изданных под чужими именами, не совпадает с известными нам бахтинскими текстами, следует приписать голосу фиктивного автора — носителя официальной марксистской идеологии. Но и этот голос звучит благодаря писательскому дару создателя сложной диалогической композиции. Им был сам Бахтин: книги в целом написаны им»³¹.

Еще больше, чем проблема девтероканонического «трехкнижия», запутан вопрос об авторстве и количестве «спорных» статей, вышедших из «бахтинского круга». Первооткрыватели причастности к ним Бахтина указывают на «Современный витализм» (1926) И. И. Канаева, «Слово в жизни и слово в поэзии» (1926), «Новейшие течения лингвистической мысли на Западе» (1928), «О границах поэтики и лингвистики» (1930), «Конструкция высказывания» (1930) В. Н. Волошинова³². Наиболее радикальные представители вероучения о бахтинском авторстве включают в их число и такие публикации Медведева, Волошинова, как статьи «Уче-

²⁸ Слюсарева Н. А. Два слова о В. Н. Волошинове // ДКХ. 1998. № 4. С. 184—185.

²⁹ См.: Комментарий // Бахтин М. М. Собр. соч.: В 7 т. М., 2000. Т. 2. С. 487.

³⁰ Там же. С. 514.

³¹ Иванов В. В. Об авторстве книг В. Н. Волошинова и П. Н. Медведева. С. 136.

³² См.: Иванов В. В. Значение идей М. М. Бахтина о знаке, высказывании и диалоге для современной семиотики (см. раздел «Цитированные статьи и книги М. М. Бахтина», предшествующий примечаниям к статье); Бочаров С. Г. Указ. соч. С. 73—77.

ный сальеризм» (1925), «По ту сторону социального» (1925), «Социологизм без социологии» (1926), «Что такое язык?» (1930), «Слово и его социальная функция» (1930), рецензии на книги «Теория литературы» Б. Томашевского (1925), «Достоевский» И. Нейфельда (1925), «Теория прозы» В. Шкловского (1926), «Введение в метрику» В. М. Жирмунского, «О художественной прозе» В. В. Виноградова (1930)³³. Определенные логические и прагматические основания для этого есть. Так, если предположить, что Бахтин предельно использовал возможности ленинградской периодической печати для заработка и самовыражения, то его издательская стратегия впечатляет своей продуманной архитектурой — он последовательно передавал права на публикации Канаеву, Медведеву, Волошинову...

Не проясняют обсуждаемую проблему и скупые высказывания самого Бахтина по поводу его коллег и их книг, известные благодаря публикации писем и устных мемуаров ученого³⁴. Во всех случаях Бахтин комментирует данный казус крайне неопределенно, уклончиво — и в тоже время весьма осторожно, взвешенно, если сказанное им облекается в форму потенциального документа. Ср., например: «Прежде всего отвечаю на Ваш последний вопрос. Книги “Формальный метод” и “Марксизм и философия языка” мне очень хорошо известны. В. Н. Волошинов и П. Н. Медведев — мои покойные друзья; в период создания этих книг мы работали в самом тесном творческом контакте. Более того, в основу этих книг и моей работы о Достоевском положена общая концепция языка и речевого произведения. В этом отношении В. В. Виноградов совершенно прав. Должен заметить, что наличие общей концепции и контакта в работе не снижает самостоятельности и оригинальности каждой из этих книг. Что касается до других работ П. Н. Медведева и В. Н. Волошинова, то они лежат в иной плоскости, не отражают общей концепции и в создании их я никакого участия не принимал. Этой концепции языка и речи, изложенной в указанных книгах без достаточной полноты и не всегда вразумительно, я придерживаюсь и до сих пор, хотя за тридцать лет она совершила, конечно, известную эволюцию. Мне было приятно узнать, что она имеет сторонников и сейчас» (10. 01. 1961 г.)³⁵. Поэтому его суждения легко можно интерпретировать в пользу любой версии авторства «спорных текстов».

³³ См., например: Бахтин под маской. Вып. 5 (1): В. Н. Волошинов, П. Н. Медведев, И. И. Канаев / Вступ. ст. и коммент. В. Л. Махлина; Под общ. ред. И. В. Пешкова. М., 1996; Бахтин М. М. (под маской). Фрейдизм. Формальный метод в литературоведении. Марксизм и философия языка. Статьи / Сост., текстолог. подгот. И. В. Пешкова; Коммент. В. Л. Махлина, И. В. Пешкова. М., 2000; Николаев Н. И. Издание наследия М. М. Бахтина как филологическая проблема (Две рецензии) // ДКХ. 1998. № 3. С. 117—144.

³⁴ См., например: Беседы В. Д. Дувакина с М. М. Бахтиным. М., 1996.

³⁵ Из переписки М. М. Бахтина с В. В. Кожинным (1960—1966 гг.) / Публ., подгот. текста и коммент. Н. А. Панькова // ДКХ. . 2000. № 3/4. С. 127—128. Для полноты картины приведем текст запроса В. В. Кожина по этому поводу: «Ещё один чисто личный вопрос. Я (то есть В. Кожин) пишу теоретическую работу о художественной речи (для нашей «Теории литературы»). В связи с этим мне очень интересно было бы узнать Ваше мнение о двух работах, посвященных одинаковым проблемам. Это давно ценимые мной книги: В. Волошинов. «Марксизм и философия языка» и П. Медведев. «Формальный метод в литературоведении» (последняя заставила меня даже восхвалить другие, менее интересные работы Медведева <...>. Замечу, что В. В. Виноградов (общезвестный академик) в статье, помещенной в «Вопросах литературы» № 5 за 1960, указал на совпадение теории художественной речи в этих двух книгах и в Вашей книге о Достоевском. И, по-моему, это небезосновательно. Михаил Михайлович, знаете ли Вы эти книги и как Вы отно-

Странно, однако, что в архиве Бахтина не сохранилось следов работы ни над одним из многочисленных сочинений, относящихся к корпусу «спорных текстов», хотя остались, например, рукописи более ранних по времени философских произведений³⁶.

Следует отметить и сдержанность Бахтина в разговорах с коллегами относительно своей причастности не только к созданию книг, вышедших из «бахтинского круга», но и к судьбе их титульных авторов: «Первое время величие Михаила Михайловича, его огромная эрудиция меня подавляли. Однако обаяние Михаила Михайловича было столь велико, его, казалось, все понимающая улыбка действовала так успокаивающе, что очень скоро я уже доверительно рассказывала своему заведующему кафедрой о больших трудностях, которые испытываю при разработке курсов, о своих пробелах в знаниях, о том, что пункты учебной программы, касающиеся негативного влияния западных философ Фрейда, Бергсона, Шопенгауэра на творчество писателей, часто ставят меня в тупик. Михаил Михайлович охотно пришел мне на помощь. Во время отдыха в парке он кратко излагал основные положения философов и их отражение в творчестве интересовавших меня писателей. Он порекомендовал мне ряд книг. Среди них была работа В. Н. Волошинова о Фрейде. С большим трудом мне удалось ее достать у одного книголюба»³⁷.

По словам В. А. Свительского, Бахтин скептически оценивал научные способности Волошинова, считая его только своим учеником, подмастерьем: «Он отрицал, что у Волошинова есть что-либо самостоятельное и отмечал в своих отношениях с ровесником, как я записал, “естественное соотношение между учителем и учеником”»³⁸. Однако В. В. Иванов, вероятно под влиянием появившихся в первой половине 1990-х гг. исследований о научной карьере Волошинова, свидетельствует противоположное: «Напротив, ничего дурного от него [Бахтина] я не слышал о Волошинове. Полагаю, что и вклад самого Волошинова в подготовку книги о философии языка мог быть немалым: он был образованным филологом»³⁹. О том же, по существу, пишет С. Г. Бочаров: «Вероятно, нельзя исключить каких-то форм участия подписных авторов в отработке или подгонке текстов, как и собственной ра-

ситься к ним?» (Там же. С. 123). Интересно проследить тонкую игру деликатностей, недомолвок, подтекстов в приведенном диалоге корреспондентов. Бахтин строго следует рамкам вопроса В. В. Кожина, ничего не говоря, в частности, о книге «Фрейдизм» и по существу вывода ее из круга соавторских работ, навязанных «общей концепцией». Это изящное риторическое изобретение ученого (*общая концепция*), вследствие смысловой двуплановости (*общая* в значении «соавторская» и *общая* в смысле «принадлежащая одному автору, а именно написавшему «книгу о Достоевском») удачно позволяет ему оставить за собой право дальнейшего выбора акцентов при условии продолжения подобного разговора. С этической точки зрения по отношению к его друзьям-соавторам это вполне оправданно.

³⁶Ср. также заявление составителей собрания сочинений Бахтина: «...все тексты, как публикуемые впервые, так и у же печатавшиеся ранее, готовятся заново по сохранившимся в архиве автора рукописям (а для большей части его работ имеются архивные источники; случаи, когда опубликованные работы являются единственным источником текста, в его наследии немногочисленны <...>» (*Бахтин М. М.* Собр. соч.: М., 1996. Т. 5. С. 5—6).

³⁷*Естифеева В. Б.* Воспоминания о Бахтине (Первое десятилетие в Саранске) // ДКХ. 2000. № 1. С. 147.

³⁸*Свительский В. А.* Указ. соч.

³⁹*Иванов В. В.* Об авторстве книг В. Н. Волошинова и П. Н. Медведева. С. 138.

боты Волошинова по канве “общей концепции” <...>⁴⁰.

Нам уже приходилось говорить в специальных работах, посвященной личности и творчеству Волошинова, что Бахтин, вероятно, недооценивал филологический потенциал друга, оставаясь в плену прежних — невельско-витебских — впечатлений о нем как несостоявшемся юристе по образованию, не слишком талантливым поэте и композиторе⁴¹. Между тем к середине 1920-х гг. Волошинов рассматривался многими современниками как весьма перспективный молодой исследователь. Его университетскими учителями были будущие академики В. В. Виноградов, В. М. Жирмунский, Б. А. Ларин, С. П. Обнорский, Л. В. Щерба и другие известные ученые. В его близкое окружение входили, в частности, филологи В. А. Десницкий, Л. П. Якубинский, В. Ф. Шишмарев, Н. В. Яковлев, Г. Е. Горбачев. Знал и упоминал о нем М. Горький. В отличие от Бахтина, Волошинов жил полнокровной научной жизнью — общением с коллегами, участием в повседневной преподавательской и организационно-административной работе. И, вероятно, уже не столько Бахтин, сколько сам Волошинов подпитывал своего друга новыми идеями, являлся связующим звеном между взрослеющей советской наукой и почти не работавшим в то время официально, страдавшим костным туберкулезом Бахтиным.

Необходимо заметить, что доверие к автобиографическим признаниям ученого в последнее время существенно пошатнулось, вследствие обнаруженной склонности Бахтина к мистификациям. С. С. Конкин документально обосновал купеческое происхождение ученого, хотя сам Бахтин не раз подчеркивал связь с известным дворянским родом⁴². Другие исследователи обратили внимание на то, что Бахтин мог и не закончить гимназическо-

⁴⁰ Бочаров С. Г. Указ. соч. С. 77.

⁴¹ См. об этом, в частности: *Васильев Н. Л.* Личность и творчество В. Н. Волошинова в оценке его современников. С. 33—35. Недавно появилось еще одно свидетельство об оценке Бахтиным Волошинова: «Разносторонний человек. Поэт, филолог, композитор-скрябинист, он учился у ученика Скрябина...» (см.: *Кузнецов А. М.* М. М. Бахтин 11 октября 1973 года, от 5 до 7 часов вечера // ДКХ. 2003. № 1/2. С. 301). Его можно трактовать как в пользу безусловного признания Бахтиным филологического профессионализма своего товарища, так и с оговорками относительно того, что слово филолог подозрительно стоит в одном ряду с творческими проявлениями Волошинова если не дилетантского уровня, то уж во всяком случае уступающими по своей исторической значимости его научным трудам. Интересно, что Бахтин не называет Волошинова философом, между тем обе книги последнего носили преимущественно философский характер. Это, возможно, указывает на участие в написании волошиновских монографий самого Бахтина. В качестве подтверждения данной мысли естественно было бы сослаться на лирическую констатацию Волошиновым разницы между ним и другом в витебский период жизни обоих: «Здесь жили поэт и философ / В суровые зимние дни. / И много проклятых вопросов / Решали в то время они». Но, как теперь известно, годы учебы и работы Волошинова в Ленинграде (1922 — 1930-е) вольно или невольно заставили его заняться философией...

⁴² См., в частности: *Конкин С. С., Конкина Л. С.* Михаил Бахтин (Страницы жизни и творчества). Саранск, 1993. С. 32—36; *Конкин С. С.* Пора закрыть вопрос о родословной М. М. Бахтина // ДКХ. 1994. № 2. С. 119—123, Он же. Послесловие к статье «Пора закрыть вопрос о родословной М. М. Бахтина» // Там же. 1994. № 3. С. 135—137; *Он же.* Если обратиться к первоисточникам... (К родословной М. М. Бахтина) // The Seventh International Bakhtin Conference. Moscow, 1995. Book II. С. 244—250. Ср., однако: *Иванова Л. В., Саран А. Ю.* Истоки биографии М. М. Бахтина в документах // Бахтинские чтения. Вып. 2. Орел, 1997. С. 279—282. См. также: *Васильев Н. Л.* Комментарий к комментариям биографов М. М. Бахтина // ДКХ. 1995. № 4. С. 157—160.

го курса, вследствие болезни, а позже, следовательно, не имел формального права поступить в университет, хотя сам ученый неоднократно утверждал, что учился в двух университетах (Новороссийском и Петроградском) и получил высшее образование⁴³. Обнаружились документы 1910 — 1920-х гг., в которых Бахтин, отчасти ориентируясь на жизненные вехи старшего брата Николая, собственноручно утверждает, что родился то в 1891, то в 1892, то в 1893 г. и, подобно своему другу М. И. Кагану, учился 1910 — 1912 гг. в Германии (в Марбурге и Берлине), а в 1914 г. закончил Петербургский университет (хотя на самом деле до 1916 г. жил в Одессе) и позже якобы готовился к профессорскому званию по кафедре классической филологии⁴⁴. Мы понимаем, конечно, что Бахтин вынужденно или отчасти карнавально мистифицировал советских чиновников относительно своего прошлого, его жизнь пришлось на переломный момент русской истории, когда необходимость буквального физического выживания заставляла идти на подобные авантюрные шаги. Но почему не допустить, что невинные коррективы ученым его биографии не распространялись и на высказывания о собственном научном творчестве? Например, при поступлении в 1945 г. на работу в Мордовский пединститут Бахтин в списке изданных трудов указал, что не включил туда «мелкие статьи и рецензии в журналах и газетах»⁴⁵; отвечая в 1960 г. на запрос молодых сотрудников ИМЛИ, сообщил: «Начал свою вузовскую работу в Витебском педагогическом институте (в 1920 г.). К тому же времени относятся мои первые публикации в местной прессе (они не заслуживают внимания)»⁴⁶, — между тем известна лишь одна небольшая заметка, подписанная именем Бахтина в невельской газете «День искусства» (1919 г.). До выхода в свет книги «Проблемы творчества Достоевского» других публикаций у него, насколько это сейчас известно, не было⁴⁷. Хотя, конечно, нельзя исключать относительность наших знаний о раннем творчестве Бахтина.

Кроме того ученый нередко прибегал к невинным бюрократическим уловкам в многочисленных документах о своей научной работе в Мордовском пединституте, стремясь как заведующий кафедрой русской и зарубежной литературы откликаться на запросы времени, спускаемые «сверху» установки, а на деле не слишком афишировать свои подлинные творческие замыслы. В разных научных отчетах и планах Бахтиным фигурируют

⁴³ См.: *Лантун В. И.* К «биографии М. М. Бахтина» // ДКХ. 1993. № 1. С. 67—73; *Паньков Н. А.* Загадки раннего периода (Еще несколько штрихов к «биографии М. М. Бахтина») // Там же. С. 74—89; *Васильев Н. Л.* Комментарий к комментариям биографов М. М. Бахтина. С. 157—161; *Он же.* Парадоксы Бахтина и пароксизмы бахтиноведения // Бахтинские чтения. III: Материалы Международной науч. конф. (Витебск, 23—25 июня 1998 г.). Витебск, 1998. С. 68—69. Напомним, что Бахтину удалось защитить диссертацию без представления диплома о высшем образовании (см.: *Паньков Н. А.* «От хода этого дела зависит все дальнейшее...» (Защита диссертации М. М. Бахтина как реальное событие, высокая драма и научная комедия) // ДКХ. 1993. № 2/3. С. 38).

⁴⁴ См.: *Лисов А. Г., Трусова Е. Г.* Реплика по поводу автобиографического мифотворчества М. М. Бахтина (Новая находка в фондах Витебского архива) // ДКХ. 1996. № 3. С. 161—166.

⁴⁵ См.: *Васильев Н. Л.* Парадоксы Бахтина и пароксизмы бахтиноведения. С. 69, 73.

⁴⁶ Из переписки М. М. Бахтина с В. В. Кожинным. С. 119—121.

⁴⁷ См., например: *Михаил Михайлович Бахтин*: Библиогр. указ. / Сост. Г. В. Карпунов, Л. С. Конкина, О. Е. Осовский. Саранск, 1989. С. 4; *The annotated Bakhtin bibliography*, by C. Adlam and D. Shepherd. London, 2000. P. 3—22.

по меньшей мере 14 объемных трудов, как намечаемых, готовящихся или уже написанных им, — монографиях «Теория романа / Вопросы теории и истории романа» (1945 — 1946, 1948 г.), «Язык и стиль литературных произведений / литературного произведения в свете учения И. В. Сталина о языке / языковедческих трудов И. В. Сталина / учения т. Сталина по языкознанию» (1950 — 1952 гг.); статьях «Буржуазные концепции Ренессанса / эпохи Возрождения (критическая историография вопроса)» (1948 — 1949, 1951 г.), «о прозе А. С. Пушкина» (1949 г.), «Творчество Гете и Достоевского» (1948 — 1950 гг.), «Источники гоголевского смеха» (1951 г.), «Проблема речевых жанров» (1953 г.); «Слово как образ (к вопросам поэтической семантики)» (1954 г.), «Вопросы теории литературы в средней школе» (1955 г.), «Анализ жанра, композиции и сюжета литературного произведения в средней школе» (1956 г.), «Проблема эстетических категорий» (1957 г.), «Проблемы / Проблема сентиментализма во французской литературе (к истории критического реализма)» (1958 г.) и коллективных работах под его прямым или косвенным руководством, среди которых «Очерк истории литературной критики в Мордовии» (1956 — 1957 гг.), «Методика организации и проведения письменных работ по литературе в старших классах средней школы» (1957)⁴⁸. Фактически же им был реализован (и то не в полной мере) лишь один замысел, причем, как мы полагаем, формально навеянный сталинской кампанией против «нового учения о языке», идеологическая весомость которой, вероятно, и побуждала к серьезным размышлениям о лингвистике⁴⁹.

Недавно было подвергнуто ревизии и признание Бахтина, в частности в беседе с Н. И. Николаевым в 1972 г.⁵⁰, о том, что он являлся прототипом философа А. И. Андриевского в романе К. К. Вагинова «Козлиная песнь» (1927). А. В. Коровашко доказывает, что фигура Андриевского по ряду причин не соответствует реальным представлениям о Бахтине конца 1920-х гг.: герой уже не молод, он поэт и музыкант, наставник Тептелкина, а фраза «Мир задан, а не дан <...>», якобы маркирующая именно Бахтина как неокантианца, была общим местом философских штудий российских мыслителей начала XX в⁵¹. По мнению исследователя, «образ Андреевского вобрал в себя черты таких старших современников Бахтина, Пумпянского и Вагинова, как Александр Александрович Мейер и Сергей Алексеевич Алексеев-Аскольдов», «Соприкасалось окружение Вагинова и с другим известным представителем ленинградского философского “подполья” — Иваном Михайловичем Андреевским <...>. Совпадение его фамилии с фамилией избраженного в “Козлиной песни” “философа” вряд ли следует считать про-

⁴⁸ См.: *Васильев Н. Л.* Двойная бухгалтерия» Бахтина: По материалам саранского периода жизни ученого // Невельский сборник. Вып. 12. СПб., 2007. С. 119—130.

⁴⁹ По свидетельству публикаторов бахтинского наследия, работа «Проблема речевых жанров», о которой идет речь, в оригинале содержала цитаты из книги «Марксизм и вопросы языкознания» И. В. Сталина «и некоторые другие ссылки того же рода» (см.: *Бахтин М. М.* Собр. соч. М., 1996. Т. 5. С. 536).

⁵⁰ См. об этом: *Никольская Т. Л., Эрль В. И.* Примечания // Вагинов К. К. Козлиная песнь: Романы. М., 1991. С. 551.

⁵¹ См.: *Коровашко А. В.* Михаил Бахтин в романе Константина Вагинова «Козлиная песнь» // Вестник Нижегородского ун-та. Серия Филология. 2003. Вып. 1. С. 29—32.

стой случайностью»⁵². Итоговый вывод А. В. Коровашко достаточно экстремален: «Позднейшее самоотождествление Бахтина с Андреевским, по всей видимости, представляет собой результат его ревностного отношения к своему философскому приоритету, который, по причине смерти всех основных прототипов “Козлиной песни”, в семидесятые годы уже никто не мог оспорить <... >»⁵³.

Указанные обстоятельства заставляют нас гораздо осторожнее комментировать высказывания Бахтина по поводу его друзей — Медведева и Волошинова, а также их трудов. Тем более, что Бахтин не признал официально своего авторства. Характерно следующее замечание канадского исследователя К. Томсона о прежней и нынешней степени доверия к тем или иным фактам: «Я не слышал почтительно благоговейных докладов в Берлине — жанра, который я порой замечал на предыдущих конференциях. Является ли это знаком того, что Бахтинские исследования вошли в новую фазу, за пределы прежних дебатов, в которых некоторые комментаторы, как казалось, возглашали тайное знание о правде идей Бахтина? Я исполнял слова “Ложь понять легче, чем правду” как название для моей статьи. Это — умный афоризм, приписанный Бахтину Брайеном Пулом в его докладе на конференции, и мой способ намекнуть, чтобы мы держали в уме и бахтинское эксцентричное отношение к “правде” его собственной биографии, и наше собственное использование этих скользких понятий»⁵⁴.

Одним из существенных доводов в пользу участия Бахтина в создании «спорных текстов» является письменное подтверждение биологом И. И. Канаевым того, что его работа «Современный витализм», опубликованная в журнале «Человек и природа» в 1926 г., была написана именно Бахтиным, хотя и не без помощи невольного «соавтора», выразившейся в доставке необходимой научной литературы и, вероятно, каких-то консультациях⁵⁵. Однако это не ведет автоматически к распространению авторства Бахтина на другие тексты, вышедшие из круга его друзей. Известно, что Канаев позже выпустил ряд трудов, отличающихся от традиционной проблематики естествознания⁵⁶. В связи с этим небезынтересен вопрос: принимал ли Бахтин как наследник философских и филологических идей германской научной школы, поклонник творчества Гете⁵⁷, какое-то участие — хотя бы диалогическое — в создании указанных работ своего товарища. Подобная мысль,

⁵² Там же. С. 32.

⁵³ Там же.

⁵⁴ Томсон К. «Ложь понять легче, чем правду»: Обзор IX Международной Бахтинской конференции (Берлин, Свободный университет, 26—30 июля 1999 г.) / Пер. с англ. Н. А. Панькова // ДКХ. 2000. № 2. С. 160. См. также: Poole B. Bakhtin and Cassirer: The Philosophical Origins of Bakhtin's Carnival Messianism // The South Atlantic Quarterly. Summer / Fall 1998, vol. 97, № 3/4. P. 568.

⁵⁵ См. об этом: Бочаров С. Г. Указ. соч. С. 74.

⁵⁶ См., например: Канаев И. И. И.-В. Гете: Очерки из жизни поэта-натуралиста. М.; Л., 1964. (здесь имеются разделы «Реализм Гете», «Немецкая поэзия, 18—19 вв.», «Гете и Спиноза»); Он же. Гете как естествоиспытатель. Л., 1970 (есть раздел «Немецкая литература 18—19 вв.»).

⁵⁷ Известно, что Бахтин подготовил фундаментальное исследование «Роман воспитания и его значение в истории реализма» (1936—1938), рукопись которого пропала в годы войны; свободно цитировал в подлиннике фрагменты «Фауста», присутствовал на «домашнем» чтении Б. Л. Пастернаком перевода этого произведения (см.: М. М. Бахтин: Беседы с В. Д. Дувакиным. М., 2002.

например, прозвучала в реплике К. Брандиста на III Международных бахтинских чтениях в Витебске в 1998 г. и получила подтверждение в опубликованной переписке Бахтина с Канаевым⁵⁸. Ее публикатор коснулся и вопроса об авторстве «спорных текстов», комментируя замечания Канаева по поводу конкретных форм участия Гете в редактировании книги И.-К. Лафатера «Физиономика», поскольку они типологически напоминают возможные детали творческих контактов Бахтина, Волошинова, Медведева и Канаева⁵⁹. Нельзя исключать и сознательного калькирования «бахтинским кругом» германского прецедента в области скрытого соавторства.

Оригинально — путем осмысления бахтинской «риторики поступка» — доказывает присутствие в бесспорных и «спорных» текстах Бахтина единого автора И. В. Пешков, хотя его логические построения выглядят как красивая, но малоубедительная гипотеза. Например, исследователь пишет: «...работы Бахтина под маской это не уход автора от ответственности, как думал Васильев [Н. Л. Васильев], а, наоборот, верность замыслу, только не философии поступка, как полагают философы-профессионалы, а риторике поступка, поскольку это верность не теоретическому, а практическому, действительному и действенному»⁶⁰. Известно, что И. В. Пешкову, начинавшему свой путь в науке с возрождения внимания к риторике как универсальной дисциплине ума и поведения человека, принадлежит издательская инициатива популяризации бахтинских и парабихтинских текстов в серии «Бахтин под маской», юридическое и моральное право на которую ему приходилось не раз отстаивать, с одной стороны, в полемике с законными наследниками Бахтина, с другой — с потенциальными наследниками Медведева и Волошинова. Этим отчасти объясняется прагматический подход издателя и исследователя к обоснованию концептуального единства книг и статей, печатаемых «под маской» Бахтина⁶¹. Примечательно, что позже И. В. Пешков перешел от риторических к собственно филологическим методам обоснования бахтинской причастности к написанию указанных работ (см. далее).

Свое решение указанного вопроса предлагает Н. И. Николаев. Опираясь на «тематико-стилистический» анализ параллелей между статьей Бахтина «Проблемы содержания, материала и формы в словесном художественном творчестве» (1924 г.) и статьей Медведева «Ученый сальеризм», положившей начало серийным публикациям «круга Бахтина» в ленинградских журналах, он делает следующие выводы: «Приведенные примеры показывают, что в “Ученом са-

С. 304, 378, 381). Его не вполне реализованный в печатной форме интерес к творчеству классика, в частности к трилогии «Ученые годы Вильгельма Мейстера» или трактату «Метаморфоз растений», не раз проявлялся в 1950—1960-х гг. в университетских лекциях по зарубежной литературе, занятиях с аспирантами. См.: *Диалектова А. В. М. М. Бахтин о жанре воспитательного романа // Проблемы научного наследия М. М. Бахтина. Саранск, 1985. С. 41—51; Она же. М. М. Бахтин о Гете (по воспоминаниям ученицы М. М. Бахтина) // ДКХ. 1999. № 3. С. 161—169; Соболевский А. Русский Сократ // Странник [Саранск]. 2003. № 4. С. 183.*

⁵⁸ См.: Гете в Саранске: Письма М. М. Бахтина к И. И. Канаеву / Публ., коммент. и послесл. Н. А. Панькова // ДКХ. 1999. № 3. С. 79—97.

⁵⁹ Там же. С. 84.

⁶⁰ См., в частности: *Пешков И. В. М. М. Бахтин: от «Философии поступка» к риторике поступка. М., 1996. С. 100 и др. ; Он же. Новый Органон // М. М. Бахтин. <Тетралогия>. С. 572—579.*

⁶¹ См., например: Бахтин М. М. (под маской). Фрейдизм. Формальный метод в литературоведении. Марксизм и философия языка. Статьи. М., 2000.

льеризме” воспроизведены *mutatis mutandis* основная проблематика и основные понятия ПСМФ (“Проблем содержания, материала и формы...”. — Н. В.), а также некоторые стилистические особенности. Все это свидетельствует только об авторстве Бахтина»; «С доказательством принадлежности Бахтину “Ученого сальеризма” <...> решается и проблема авторства всех остальных работ, опубликованных под именами П. Н. Медведева и В. Н. Волошинова. Остается лишь выяснить, как осуществлялось в каждой из этих книг и статей последовательное развитие его идей»⁶². Иными словами, если исходить из гипотезы, что волошиновско-медведевский цикл философских, психологических и филологических штудий, печатавшихся с середины 1920-х гг., инспирирован самим Бахтиным, то достаточно доказать причастность последнего хотя бы к одной из таких работ, поскольку это автоматически ведет к распространению его авторства на остальные публикации. Со своей стороны, заметим, что текстологический метод Н. И. Николаева и некоторых других сторонников бахтинского авторства в «спорных текстах» основывается в первую очередь на выявлении «общих мест» между собственно бахтинскими и волошиновско-медведевскими работами, тогда как не менее важно установить и то, что в них не согласуется с методологией, терминологией, стилистикой Бахтина, каким мы его представляем по авторизованным и рукописным текстам. Эта разница может свидетельствовать о неодинаковой степени участия Бахтина в создании «спорных текстов»; а может быть, и о непричастности его к написанию некоторых конкретных работ. Так, Г. М. Фридендер считает, что автором «Формального метода в литературоведении» был именно Медведев; пишет, что Н. И. Николаев «повторяет традиционную версию о принадлежности Бахтину книги Волошинова «Фрейдизм» (1927) и даже стремится поддержать эту атрибуцию новыми аргументами, хотя лексическое и терминологическое сопоставление языка этой книги с языком текстов Бахтина делает это предположение сомнительным»⁶³.

Перспективны, на наш взгляд, попытки отдельных исследователей опровергнуть или подтвердить авторство Бахтина с помощью «технических» методов анализа текста, однако полученные ими результаты кардинально расходятся. Д. А. Юнов (он же Д. А. Татарников), используя методику электронного сравнения словарно-терминологической базы подлинных и «спорных» текстов Бахтина, сделал следующее заключение: «...как показал опыт составления лексико-терминологического Указателя и сравнения на его основе работ П. Н. Медведева и В. Н. Волошинова с произведениями, представленными в данном томе, корреляция терминологии в этих работах недостаточна, чтобы говорить о едином авторстве, стиль и лексика существенно различны. Общие же критическая аргументация и бахтинская (когеновская) философская терминология, присутствующие там, говорят только о принадлежности к единому философскому кругу (школе) и подтверждают факт близости и “диалогичности” общения данных людей»⁶⁴. И. В. Пешков путем тщательного сравнения терминологического словника двух приложений из «Личного дела В. Н. Волошино-

⁶² Николаев Н. И. Издание наследия М. М. Бахтина как филологическая проблема. С. 127—132.

⁶³ Фридендер Г. М. Указ. соч. С. 198, 202.

⁶⁴ См.: Татарников Д. А. Примечания; Предметно-терминологический указатель // Бахтин М. М. Работы 1920-х годов. Киев, 1994. С. 334, 335—381. Тот же исследователь не раз в выступлениях по вопросам бахтинского авторства «спорных текстов» (Витебск, 1998; Шеффилд, 1999) говорил

ва», опубликованного Н. А. Паньковым⁶⁵ с текстовыми массивами «Формального метода в литературоведении» (ФМЛ), «Марксизма и философии языка» (МФЯ), «Проблем творчества Достоевского» (ПТД), других трудов Бахтина и его друзей, а для большей объективности и книг А. А. Потебни, Л. С. Выготского, Г. О. Винокура, О. М. Фрейденберг⁶⁶, пришел к противоположному и, на его взгляд, окончательному выводу: «Мне представляется текстологически доказанным теперь, что и ФМЛ и МФЯ написаны Бахтиным по крайней мере по преимуществу <...>»; «Теперь пусть сторонники коллективного авторства вылавливают в спорных текстах дружеские вкрапления»⁶⁷. Надо отдать должное ученому: выявленные им лексические, фразеологические и терминологические параллели между работами, вышедшими из «круга Бахтина», впечатляют. Заметим, однако, что оба исследователя по-своему правы. Первый сравнивает «спорные тексты» с ранними трудами Бахтина («Искусство и ответственность», «К философии поступка»), «<Автор и герой в эстетической деятельности>», «Проблема содержания, материала и формы в словесном художественном творчестве»), в которых, естественно, еще преобладает прежний философский метаязык ученого. Второй же опирается на труды Бахтина после «социологического периода» — и в них неизбежно может сохраняться инерция понятийного аппарата, выработанного в бахтинском окружении.

Из устных мемуаров Бахтина, записанных В. Д. Дувакиным, видно, что научные заслуги Медведова и Волошинова он оценивал не слишком высоко, хотя и не отрицал их: «Он [Медведов] первый, который занимался архивом Блока. Записные книжки Блока, дневники Блока были изданы им <...>», «И вот он написал книжку о Блоке, которая называлась “Творческий путь Блока”. Пустяковая книжка. <...> Барахольная, да. Чепуха», «Вообще книжка совсем незначительная. Просто плохая книжка», «Д<увакин>: <...> У него о Брюсове была интересная книжка. Собственно, первая связанная книга о Брюсове. — Б<ахтин>: О Брюсове? Я сейчас даже не помню. <...> Он был теоретиком литературы», «Он был человек очень... умелый, он умел как-то обходить всевозможные рифы, которых и тогда уже было очень много в литературе и искусстве, и был человеком в достаточной мере смелым и инициативным. И вот он печатал Вагинова. <...> Он печатал там (в «Записках передвижного театра». — *Н. В.*) стихотворения такие, которые — даже трудно сейчас представить себе, что их можно было публиковать в то время»; «Дело в том, что у меня был близкий друг — Волошинов... Он автор книги “Марксизм и философия языка”, книги, которую мне, так сказать, приписывают. Вот — Валентин Николаевич Волошинов»⁶⁸. В этом плане интересны и сторонние свидетельства, например: «Волошинова Кирпотин

о необходимости анализа распределения творческих ролей в «круге Бахтина», считая, что такие функции, как рецензирование работ предшественников, эвристика, собственно написание и даже продвижение работ в печать, могли синтезироваться в «творческой группе» по принципу дополнительности.

⁶⁵ См.: ДКХ. 1995. № 2. С. 70—99.

⁶⁶ Выбор указанных авторов отчасти объяснялся наличием у И. В. Пешкова электронной базы их текстов.

⁶⁷ Пешков И. В. «Делу» — венец, или Еще раз об авторстве М. Бахтина в «спорных текстах» // Бахтин М. М. (под маской). Фрейдизм. Формальный метод в литературоведении. Марксизм и философия языка. Статьи С. 621.

⁶⁸ М. М. Бахтин: Беседы с В. Д. Дувакиным. С. 88, 193—194, 215, 221—222.

не знал. С Медведевым был знаком, и тот показался ему человеком “неглубоким” (“не мог он написать сильную книгу”)⁶⁹.

В отношении друзей и коллег Бахтина развернулась новая волна полемики в связи с дискредитацией их как ученых в отзывах О. М. Фрейденберг и Л. Я. Гинзбург⁷⁰. Так, последняя в разговоре с В. С. Баевским в 1986 г. заметила: «... в книге “Формальный метод в литературоведении” <...> “доносы на формалистов <...> принадлежат именно Медведеву (речь идет, вероятно, о книге «Формализм и формалисты». — Н. В.), остальное преимущественно Бахтину”. В книге <...> “Марксизм и философия языка” <...> все или почти все <...> принадлежит Бахтину»; «— Мы же знали этих людей. Не могли они так глубоко писать. Это же были примитивные люди»; «— Пумпянский — другое дело. Это был в полном смысле слова блестяще одаренный человек, эрудит. <...> Но и он был человеком со всячиной. Не обязательно верить всему, что о нем говорили: но вообще Бахтин был окружен сомнительными людьми»⁷¹.

В. М. Алпатов, однако, хладнокровно поставил имя Волошинова впереди Бахтина, предприняв попытку целостного описания лингвистических идей «бахтинского круга»⁷². Н. В. Брагинская ответила ему эмоциональным эссе, смысл которого сводится к тому, что лица, поддерживавшие Волошинова, как и он, были людьми, зависимыми от конъюнктурных обстоятельств, готовыми ради карьеры на компромиссы с собственной совестью, что и зафиксировано в воспоминаниях О. М. Фрейденберг; а написание работ за другого человека — заурядный факт как в прошлом, так и в настоящем⁷³. Ею впервые опубликован развернутый контекст соответствующего мемуара О. М. Фрейденберг: «Его [В. А. Десницкого] правой рукой был Н. В. Яковлев, смещенный ученый секретарь. В свою очередь Яковлев имел свою правую руку. Это был Волошинов, изящный молодой человек и эстет, автор лингвистической книги, написанной ему Блохиным. Этот Волошинов цинично предлагал мне, чтоб я за него и на него работала, а он за то будет продвигать меня через Яковлева и Десницкого. Я отказалась — и наши отношения сделались холодны, как лед»; «Вскоре Волошинов пал, как пал вскоре и Яковлев, как пал еще дальше Десницкий <...>. Люди, строившие советскую власть, один за другим убились этой же властью со сцены. Хищники пожирали друг друга»; «Десницкий был хозяином на литературном отделении ИРКа, а на языковом — Якубинский. Это был красивый, светский мужчина, циник, любитель молодых людей. <...> Возле Якубинского были свои Яковлевы и Волошиновы»⁷⁴. Заметим, что Н. В. Брагинская, по основным научным интере-

⁶⁹ См.: *Паньков Н. А.* «От хода этого дела зависит все дальнейшее (защита диссертации М. М. Бахтина как реальное событие, высокая драма и научная комедия [раздел Приложения] // ДКХ. 1993. № 2/3. С. 114.

⁷⁰ См. об этом, в частности: *Васильев Н. Л.* В. Н. Волошинов: Биограф. очерк. С. 22; Он же. Личность и творчество В. Н. Волошинова в оценке его современников. С. 49—50.

⁷¹ *Баевский В.* Две страницы из дневника // Бахтинология: Исслед., пер., публикации. СПб., 1995. С. 10—11.

⁷² *Алпатов В. М.* Волошинов, Бахтин и лингвистика. См. также наши рецензии на это исследование (М. М. Бахтин в Саранске: документы, материалы, исследования. Вып. II — III. Саранск, 2006. С. 224—234; Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 2006. № 3. С. 254—259.

⁷³ *Брагинская Н. В.* Между свидетелями и судьями: Реплика по поводу книги: В. М. Алпатов. Волошинов, Бахтин и лингвистика. М. Языки славянских культур, 2005 // М. М. Бахтин в Саранске. Вып. II — III. С. 39—60.

сам филолог-античник, увлекаясь апологией рассуждений О. М. Фрейденберг, вероятно, недооценивает значения трудов Л. П. Якубинского, В. А. Десницкого и Н. В. Яковлева для русистики⁷⁵.

Независимо во всех отношениях пишет о данной проблеме А. В. Коровашко: «Доказательная база передачи М. М. Бахтину посмертных авторских прав отличается крайней шаткостью и представляет собой вариативный набор лишь трех ключевых аргументов»; «Первый из них апеллирует к авторитету “устного радио” и восходит к полуфольклорному жанру внутрицеховых преданий: “Весь Ленинград знал...”, “Виноградов говорил...” <...> и т. д.»; «Другим способом закрепить за Бахтиным рольдемиурга “спорных текстов” является теория “умственной недостаточности” Волошинова и Медведева. <...> Известно, например, что Виктор Шкловский (учитель Л. Я. Гинзбург) называл Веселовского “туповатым”, а на склоне лет с некоторым для себя удивлением обнаружил, что Овсяннико-Куликовский “был не совсем умен”»; «Наибольшей популярностью в спорах о Бахтине “под маской” пользуется интуитивный критерий атрибуции. <...> Но также “непосредственно” воспринималась, например, “подлинная” древность сфабрикованных чешскими учеными Вацлавом Ганкой и Йозефом Линдой произведений — «Краледворской рукописи», «Суда Либуше» и «Глосс Вацерада». В течение полувека они открывали официальную историю чешской литературы. О том, насколько ненадежным критерием оказывается “непосредственное” впечатление, говорит и случай с первой книгой Иоганна Готлиба Фихте “Критика всяческого откровения”. Поскольку она вышла в свет анонимно <...>, то была в скором времени приписана самому Канту <...>»⁷⁶.

Предпринимались усилия приблизиться к разрешению обсуждаемого вопроса путем сравнительного анализа использования в «спорных текстах», других работах Бахтина, Волошинова и Медведева, трудах их коллег столь необычных инструментов организации научного дискурса, как графические выделения (разрядка, курсив, подчеркивание) и нетранслитерированные иноязычные слова, выражения⁷⁷. Выводы, к которым мы пришли в результате этого, таковы. Бахтин чрезвычайно активно использует графические акценты на протяжении почти всего творческого пути. В такой же степени они характерны и для работ Волошинова; однако это свойственно, например, и Л. П. Якубинскому. Медведев крайне редко прибегает к текстовым выделениям, что свидетельствует в пользу самобытности его книги «Формальный метод в литературоведении». Одновременно в работах «бахтинского круга» встречается много общих, хотя бы для двух авторов, варваризмов (*contradictio in adjecto*, *ibid*, *medium*, *minimum*, *quasi*, *par excellence*, *reductio ad absurdum*, *specificum*, *tertium non datur*); но

⁷⁵ Л. П. Якубинский (1892—1945) — признанный классик отечественного языкознания. См., например, высокую оценку его научно-педагогической и административной деятельности во вступительной статье В. В. Виноградова к изд.: *Якубинский Л. П. История древнерусского языка*. М., 1953. С. 3—40. О В. А. Десницком (1878—1958) и Н. В. Яковлеве (1891—1981) см., в частности, развернутые биографические очерки в одном из последних по времени академических изданий: Пушкинский Дом: Материалы к истории. 1905—2005. СПб., 2005. С. 436—437, 550—551.

⁷⁶ *Коровашко А. В.* Заметки об авторстве спорных бахтинских текстов // Вестник Нижегородского ун-та. Серия Филология. 2000. Вып. 1. С. 62—66.

⁷⁷ *Васильев Н. Л.* Заметки об авторстве «спорных текстов», вышедших из круга М. М. Бахтина // Невельский сборник. Вып. 10. СПб., 2005. С. 71—80.

и это не дает основания делать вывод о едином авторском субъекте, поскольку, например, Г. Г. Шпет тоже активно привлекал нетранслитерированные элементы в своих трудах, хорошо известных его современникам⁷⁸. Прослеживаются, на первый взгляд, противоречивые, но вполне закономерные стилистические (со)авторские оппозиции: Бахтин, Волошинов — Медведев; Волошинов, Медведев — Бахтин. Есть некоторые основания полагать, что книга Бахтина «Проблемы творчества Достоевского» редактировалась Медведевым, вследствие «компромисса» в ней между обычной нормой использования разрядки (в рукописях подчеркивания) самим автором и его другом-литературоведом, помогавшим Бахтину в издании этого труда.

Были выявлены расхождения между Бахтиным и Волошиновым в рецепции марризма (последний гораздо радикальнее в данном отношении, что объясняется прежде всего научной атмосферой в ИЛЯЗВе)⁷⁹; из этого тоже вытекает, что Волошинов как ученый эволюционировал во второй половине 1920-х гг. все более независимо от Бахтина.

И. Л. Попова в ряде работ стремится обосновать связь между вниманием автора «Марксизма и философии языка» к трудам «школы Фосслера» о Ф. Рабле и последующим знаменитым исследованием Бахтина, воплотившимся в кандидатскую диссертацию и монографию, заявляя, что «опротестившимся рассматривать “Марксизм и философию языка” отдельно от остального наследия Бахтина. На частном примере критической рецепции школы Фосслера легко убедиться, что контекст проблемы целиком, методология исследования и целое замысла существуют в сознании одного автора <...>»⁸⁰.

В. Н. Захаров пишет о расхождениях между автором «Формального метода в литературоведении» и Бахтиным в понимании фундаментальных литературоведческих категорий (*фабула, сюжет, жанр*), отмечая в связи с этим: «Сегодня большинство исследователей исходят из предполагаемого единства идей, категорий анализа и концепций жанра в кругу Бахтина, независимо от того, писал ли ФМЛ, МФЯ и ПТД один автор или идеи и концепции книг принадлежат единомышленникам. Очевидно, что в рамках одной школы должна быть установка хотя бы на общий тезаурус. Неожиданным результатом данного исследования стало обнаружение не столько противоречий, сколько разной трактовки ряда ключевых категорий в трудах Медве-

⁷⁸ См. также: *Васильев Н. Л.* Г. Г. Шпет и М. М. Бахтин: к истокам метаязыка «бахтинского круга» // Невельский сборник. Вып. 13. СПб., 2008. С. 100—109; *Он же.* G. Chpet et M. Bakhtine: aux sources de la métalangue du «cercle de Bakhtine» / Trad. du russe par F. Corrado-Kazanski // *Slavica Occitania* [Toulouse]. 2008. № 26: Gustave Chpet et son héritage aux sources russes du sructuralisme et de la sémiotique. P. 75—89; *Он же.* Густав Шпет и Михаил Бахтин: к истокам метаязыка «бахтинского круга» // Густав Шпет и его философское наследие: У истоков семиотики и структурализма. М., 2010. С. 312—321.

⁷⁹ См.: *Lähteentäki M., Васильев Н. Л.* Рецепция «нового учения о языке» Н. Я. Марра в работах В. Н. Волошинова: искренность или конъюнктура? // *Russian Linguistics*. 2005. Vol. 29. № 1. P. 71—94.

⁸⁰ См., например: *Попова И. Л.* «Лексический карнавал» Франсуа Рабле: книга М. М. Бахтина в контексте научных идей 1910—1920-х гг // *Proceedings of the XII International Bakhtin Conference* (Juväskulä, Finland, 18—22 July, 2005). P. 111; *Она же.* История «Рабле»: 1930—1950-е годы // Бахтин М. М. Собр. соч. М., 2008. Т. 4 (1). С. 843—858. Ср.: *Аллатов В. М.* Волошинов, Бахтин и лингвистика. С. 30.

дева и Бахтина, Волошинова и Бахтина»⁸¹.

Н. Д. Тамарченко возражает предшественнику, продолжая анализ указанной книги в плоскости теории литературы, обнаруживая фразеологические переклички между «Формальным методом в литературоведении» и отдельными высказываниями Бахтина⁸². По его мнению, «комплекс основных идей и понятий первой части ФМЛ и, соответственно, всех формулировок», «идеи в области поэтики, а именно — теории произведения и теории жанра, которые составили проблемное ядро третьей части ФМЛ» принадлежат Бахтину; «под вопросом может остаться разве что изложение фактов истории западноевропейского и русского формализма — в виде более или менее нейтральной территории»⁸³. Он же передает еще одну устную версию авторства «спорных текстов»: «Кстати, А. Чудаков рассказывал автору этих строк, что на его настойчивые расспросы “кто написал?” Бахтин после бесплодных попыток отмолчаться, наконец, “выдал”: “Ну, чья фамилия стоит, тот и написал”. Эти слова вызвали немедленную реакцию его жены? “Миша, как тебе не стыдно! Ты же сам продиктовал эту книгу с первого слова до последнего!»⁸⁴ (Заметим, что почти во всех случаях в этой «мифологии» присутствует один и тот же «архетип»: рядом с Бахтиным оказывается его жена, готовая противоречить ему в стремлении защитить истину.)

Оппоненту В. Н. Захарова, в свою очередь, ответил Ю. П. Медведев⁸⁵, не приводя на этот раз новых аргументов в подтверждение причастности своего отца к написанию «Формального метода в литературоведении»⁸⁶, но косвенно обосновывая данный непреложный для него факт путем целостного рассмотрения теоретико-литературных построений старшего Медведева, отражавшихся в его работах уже с 1911 г. (некоторые из них публикуются в указанной статье в качестве приложения), объяснения причин, по которым Медведев в 1930-х гг. изменил концепцию второго издания «Формального метода в литературоведении», анализа метаязыка советской науки сталинского времени, воспринимаемого сейчас порой вне исторического контекста.

Анализ «Формального метода в литературоведении» sub specie «общей

⁸¹ См.: Захаров В. Н. Проблема жанра в «школе» Бахтина (М. М. Бахтин, П. Н. Медведев, В. Н. Волошинов) // Proceedings of the XII International Bakhtin Conference. С. 79. См. также: Захаров В. Н. Проблема жанра в «школе» Бахтина (М. М. Бахтин, П. Н. Медведев, В. Н. Волошинов) // Рус. лит. 2007. № 3. С. 18—30.

⁸² Тамарченко Н. М. Бахтин и П. Медведев: судьба «Введения в поэтику» // Вопросы лит. 2008. № 5. С. 160—184.

⁸³ Там же. С. 171, 177.

⁸⁴ Там же. С. 177.

⁸⁵ Медведев Ю. Жертвы «внезаходимости» // Вопр. лит. 2009. № 6. С. 163—203.

⁸⁶ Они были представлены, в частности, в докладе Ю. П. Медведева на XII Международной бахтинской конференции (см. ниже примеч. 90). Речь идет о ранее неизvestных методологических набросках Медведева (1919—1920 гг.), являющихся планами серьезных эстетико-литературоведческих лекционных курсов, проблематика которых отчасти связана с последующими работами «бахтинского круга». Помимо этого докладчиком были высказаны соображения относительно экстранаучных факторов, повлиявших на эскалацию кампании приписывания Бахтину «спорных текстов». См. об этом: Васильев Н. Л. XII Международная бахтинская конференция // М. М. Бахтин в Саранске. Вып. II—III. С. 246—247; Он же. Оглядываясь назад... (XI и XII Международные бахтинские конференции) // ДКХ. 2009. № 2 (42). С. 197—198.

концепции языка и речи», о которой Бахтин сообщил В. В. Кожину, показал, что автор книги отразил ее механистично, уступая в понимании лингвистических тонкостей полемизировавшему с ним позже по этому поводу Волошинову, что свидетельствует, на наш взгляд, о расхождении авторских субъектов Бахтина и Медведева, а также о самостоятельной позиции Волошинова в этом треугольнике⁸⁷.

В ИЛЯЗВе Волошинов тесно работал в контакте с Медведевым и другими сотрудниками института по программе изучения «социологической поэтики», результатом чего планировалась состоявшая первоначально из 10 глав его монография «Опыт социологической поэтики. I: Социология формы» (1926 г.)⁸⁸, спустя год трансформировавшаяся во «Введение в социологическую поэтику» (с 4 главами, объемом в 8 п. л.). Содержание незавершенной или неопубликованной книги отразилось в статье Волошинова «Слово в жизни и слово в поэзии» (1926), докладе «Поэтическая структура как структура социологическая» (18 июня 1927 г.), третья глава этой работы — «Социологическая структура поэтической формы» — была «прочитана на заседании п/секции методологии литературы ИЛЯЗВа» 28 февраля 1928 г., как видно из аспирантских отчетов Волошинова⁸⁹. Таким образом, это уже пятая книга, вышедшая из «бахтинского круга», которую, следуя логике сторонников принадлежности Бахтину всех «спорных текстов», тоже нужно бы приписать ему...

Продуктивны попытки аргументировать коллективное авторство «спорных работ» — как продукта деятельности «бахтинского круга», в котором определяющую роль играл Бахтин, но каждый из членов этого дружеского и творческого союза был полноправным собеседником и соавтором любого другого⁹⁰.

Вместе с тем «бахтинский круг» — понятие весьма условное⁹¹. Бахтин много пережил своих ближайших друзей, в то время как наши представления о Медведеве и Волошинове основываются только на впечатлении от их яркого научного взросления, прерванного в 1930-е гг. Случись так, что они, развиваясь как исследователи, пережили бы Бахтина, еще не известно, как

⁸⁷ См.: *Васильев Н. Л.* Лингвистическое содержание книги П. Н. Медведева «Формальный метод в литературоведении» в контексте коллективного творчества «бахтинского круга» // *Невельский сборник*. Вып. 14. СПб., 2008. С. 44—60. То же: ДКХ. 2009. № 2 (42). С. 28—50.

⁸⁸ См.: *Brandist C.* Sociological linguistics in Leningrad: The Institute for the comparative history of the literatures and languages of the West and East (ILJAZV), 1921—1933 // *Russian Literature*. 2008. Vol. 63. № 2/4. P. 190—192. См. также: *Медведев Ю. П.* На пути к созданию социологической поэтики // ДКХ. 1998. № 2. С. 23—31.

⁸⁹ См.: *Васильев Н. Л.* К биографии В. Н. Волошинова как сотрудника ИЛЯЗВа (разработка «социологической поэтики») // *Невельский сборник*. Вып. 15. СПб., 2009. С. 60—69.

⁹⁰ См. об этом, например: *Медведев Ю. П., Медведева Д. А., Круг М. М.* Бахтина как «мыслительный коллектив» // *Proceedings of the XII International Bakhtin Conference*. С. 16—33; *Они же*. Труды и дни Круга М. М. Бахтина // *Звезда*. 2008. № 7. С. 192—210.

⁹¹ Ср., что и как говорит об этом феномене Бахтин: «Нет, я пользовался в очень узких кругах известностью только. Вокруг меня был круг, который называют сейчас: «круг Бахтина»... <...> Сюда включают прежде всего Пумпянского, Медведева Павла Николаевича, Волошинова. Кстати сказать, все они были и в Невеле, кроме, правда, Медведева»; «И вот все они трое были в Витебске, и там, в сущности, заложена основа вот этого круга, который потом в Ленинграде обосновался» (М. М. Бахтин: Беседы с В. Д. Дувакиным. С. 161).

бы сейчас именовался этот «круг» и распределялись роли в нем его участников⁹².

2.

Определенный свет на возможные нюансы технологии создания «спорных текстов» проливает опубликованная Бахтиным совместно с его коллегой по работе на кафедре русской и зарубежной литературы в Мордовском пединституте (с 1957 г. университете) — доцентом, членом СП СССР Л. Г. Васильевым (1924 — 2002)⁹³ рецензия на пьесу Г. Я. Меркушкина (1917 — 1979) «На рассвете»⁹⁴. Последний являлся в тот момент секретарем Мордовского обкома КПСС, а спустя год — ректором университета, много сделавшим для его развития и оставившим о себе хорошую память. Помимо административной деятельности Г. Я. Меркушкин занимался научной работой (в 1973 г. защитил в Ленинграде докторскую диссертацию, хотя и не утвержденную ВАК), литературным творчеством, что сближало его со средой саранской интеллигенции⁹⁵. Из воспоминаний Л. Г. Васильева известно о некоторых обстоятельствах, предшествовавших написанию совместной рецензии: «В 1959 году в Саранске в театре драмы шел на русском языке спектакль по пьесе начинающего мордовского драматурга Григория Меркушкина “На рассвете” — о гражданской войне. Григорий Яковлевич обратился ко мне, а через меня и к Михаилу Михайловичу, с просьбой написать рецензию на эту постановку. Когда я сказал об этом Михаилу Михайловичу, он охотно согласился, тоже побывал на спектакле⁹⁶. Пьеса и спектакль удались, рецензию написали положительную. Заголовок дали по названию произведения. Я отнес материал в редакцию газеты “Советская Мордовия”. Вскоре попросили зайти, ознакомиться с гранками, набором. Текст не изменили, а вот заголовок предложили другой — нечто вроде “За власть Советов”. Я не придал этому большого значения, но все-таки решил предупредить своего соавтора. Михаил Михайлович остался недоволен, заметил, что это несолидный и неоригинальный заголовок и что, если в редакции не оставят прежний, он просит снять его фамилию. Статье было возвращено прежнее название...»⁹⁷.

⁹² См.: *Васильев Н. Л.* «Круг Бахтина», или Квадратура круга // Новое лит. обозрение. 2006. № 2. С. 408—414.

⁹³ О Л. Г. Васильеве см., например: Бахтин в Саранске: Документы. Материалы. Исследования. Вып. 1. Саранск, 2002. С. 62; Мордовия: Энциклопедия: В 2 т. Саранск, 2003. Т. 1. С. 193.

⁹⁴ *Бахтин М., Васильев Л.* «На рассвете» // Сов. Мордовия. 1959. 17 мая. Обоих авторов можно увидеть вместе — в ряду с университетскими коллегами и студентами историко-филологического факультета — на многих коллективных фотографиях. См., например: *Конкин С. С., Конкина Л. С.* Михаил Бахтин: (Страницы жизни и творчества); Беседы В. Д. Дувакина с М. М. Бахтиным. М., 1996 (фото 1955 г.).

⁹⁵ Подробнее о личности Г. Я. Меркушкина и его взаимоотношениях с Бахтиным см., в частности: *Васильев Н. Л.* Меркушкин Григорий Яковлевич // Бахтин в Саранске. Вып. 1. С. 69—71.

⁹⁶ Для обоих рецензентов посещение музыкально-драматического театра в Саранске было в те годы обычным явлением. Л. Г. Васильев нередко выступал в местной печати с отзывами о литературных и сценических произведениях. Бахтин на протяжении нескольких лет вел семинар по общей и театральной эстетике для саранских артистов, участвовал в обсуждении постановок (см., в частности: *Конкин С. С., Конкина Л. С.* Михаил Бахтин: (Страницы жизни и творчества). С. 262, 268—269; *Карпунов Г. В., Борискин В. М., Естифеева. В. Б.* Михаил Михайлович Бахтин в Саранске: Очерк жизни и деятельности. 2-е изд. Саранск, 1995. С. 21—23).

⁹⁷ *Васильев Л. Г.* Таким я его помню... // ДКХ. 1994. № 4. С. 114—115.

Текст рецензии, в отличие от других трудов ученого, его рукописных заметок и конспектов, не включен в «Собрание сочинений» Бахтина, выпускаемое ИМЛИ им. М. Горького РАН, хотя специалистам указанная работа, восьмая (!) публикация Бахтина начиная с 1919 г., хорошо известна⁹⁸. Ничего не сообщается об этой статье и в примечаниях к соответствующему тому «академического» издания⁹⁹. Между тем перед нами не только полноценная литературно-критическая и отчасти искусствоведческая работа ученого, но и единственная его соавторская публикация.

В нашем архиве сохранились черновики данной статьи. Работа над ней, со слов Л. Г. Васильева, протекала следующим образом. По договоренности с Бахтиным, им предварительно был составлен рукописный вариант рецензии объемом в 10 страниц машинописного формата (см. Приложения: I). В ходе его обсуждения обоими авторами собственноручно были внесены некоторые добавления, вычеркнуты отдельные части текста. Так, можно видеть, что Бахтина не устроил чрезмерный идеологический пафос в начале статьи: «Пьеса Г. Меркушкина посвящена вечно живой, неисчерпаемой теме гражданской войны, изображению героической борьбы масс за родную советскую власть», «Главные герои драмы — советские люди, мужественные защитники завоеваний Октября». Черновик рецензии остался на некоторое время у Бахтина. В результате появился второй вариант статьи, написанный последним, — 12 страниц рукописи на листках школьной тетради (см. Приложения: II). Вместо первоначального заглавия «На рассвете» Бахтин предложил иное: «Новая пьеса Г. Меркушкина на сцене Мордовского театра». Отталкиваясь от первой фразы соавтора, он существенно переработал вводную часть статьи, внося в нее элементы теоретико-литературоведческого (размышление о жанровой природе пьесы, ее месте в контексте советской драматургии) и историко-культурного (описание событий Гражданской войны) анализа. При этом он сохранил необходимые идеологические акцен-

⁹⁸ См., например: Михаил Михайлович Бахтин: Библиогр. указ. С. 4; The annotated Bakhtin bibliography. P. 31.

⁹⁹ См.: *Бахтин М. М. Собр. соч.*: Т. 5: Работы 1940-х—начала 1960-х годов. Между тем во вступительной заметке редакторы издания С. Г. Бочаров и Л. А. Гоготишвили пишут: «Открывающееся настоящей томом собрание сочинений М. М. Бахтина должно быть научным» (с. 5). В указанном томе опубликована, однако, рецензия Бахтина на постановку пьесы В. Гюго «Мария Тюдор» в Саранске («Сов. Мордовия». 1954. 12 дек.). Помимо второй рецензии ученого здесь отсутствует неоднократно воспроизводившаяся в научной печати (см., например: М. М. Бахтин: Эстетическое наследие и современность: В 2 ч. Саранск, 1992. Ч. 1. С. 17—19) статья Бахтина о культуре работы с книгой, адресованная студентам и начинающим исследователям (*Бахтин М. М. Некоторые замечания // Мордов. университет. 1958. 18 нояб.*). Не отражен в собрании сочинений Бахтина и подготовленный им в 1952 г. многостраничный конспект по истории китайской литературы, предназначенный для В. Б. Естифеевой, которой было поручено руководство соответствующим студенческим научным кружком в период укрепления советско-китайских отношений (см.: *Бахтин М. М. Особенности китайской литературы и ее история // М. М. Бахтин: Эстетическое наследие и современность. Ч. 1. С. 5—12; Карпунов Г. В., Борискин В. М., Естифеева В. Б. Указ. соч. С. 14 и вклейка*). В итоге разносторонний облик Бахтина, включающий в саранский период жизни такие биографические компоненты, как научно-популяризаторская, методическая и административная деятельность, представлен в многоотомном собрании его сочинений с существенными пробелами. Указанный том включает лишь одну прижизненную публикацию ученого в период «1940-х — начала 1960-х годов», тогда как в реальности их было четыре...

ты рецензии, сделав их более сдержанными: «Пьеса написана в жанре советской народно-героической драмы»; «Для этого жанра характерна прежде всего историко-героическая тема — победа революции, завоеванная народом в суровых боях гражданской войны. “Сквозное действие пьесы — торжество революции. “ Эти слова В. И. Немировича-Данченко, сказанные им о пьесе “Любовь Яровая”, применимы, конечно, ко всем драмам этого жанра»; «Этими особенностями темы определяются и все другие черты жанра: противопоставление двух лагерей — революции и контрреволюции, органическое сочетание революционно-романтической героики и острой сатиры (при обрисовке лагеря контрреволюции), раскрытие ведущей роли партии, преодолевающей стихийность и анархизм, изображение разных путей интеллигенции к революции<...>»; «В атмосфере мощного подъема, вызванного призывом В. И. Ленина, начинается успешное контрнаступление наших войск <...>»¹⁰⁰. Помимо этого Бахтин дал портрет центрального персонажа — командарма Громова. Анализ же Л. Г. Васильевым других образов произведения был оставлен ученым почти без изменений. Его соавтор в свою очередь внес отдельные поправки в текст Бахтина, в частности откорректировав название статьи как «Новая пьеса Г. Меркушкина и ее сценическое воплощение», смягчив категоричность фразы «Драматургия Мордовии небогата и не отличается большим жанровым разнообразием» вставкой «<к сожалению, пока что также> небогата...», добавив уточнение *Коммунистическая* к слову *партия*... (При этом в рукописи видны следы согласования некоторых правок между авторами.) В итоге оба черновика стали «комплектуемыми» частями окончательного варианта рецензии, представленной Л. Г. Васильевым в редакцию газеты и вскоре опубликованной уже с редакционными исправлениями, вроде замены заголовка статьи, где фигурировало имя второго секретаря обкома, на более подходящий (см. Приложения: III). Примечательно, что Л. Г. Васильев, а вслед за ним и редакторы газеты сохранили типичное для Бахтина графическое выделение важных понятий, в данном случае — характеристик Громова: «Это **цельный** характер...», «...его **умное доверие** к людям» (в бахтинской рукописи соответствующие слова подчеркнуты).

Отсюда можно сделать ряд важных выводов, распространяющихся, не исключено, на методы работы Бахтина с его предполагаемыми соавторами — Волошиновым и Медведевым: ученый стремился брать на себя инициативу в проблемно-методологической части исследования, не пренебрегал черновой работой над общей рукописью, толерантно относился к «чужому слову», если оно не противоречило его внутреннему цензору; в то же время готов был идти на известные уступки идеологическому канону своего времени, проявляя при этом добротную стилистическую культуру.

Менее известно еще об одной газетной заметке, подготовленной Л. Г. Ва-

¹⁰⁰ Отметим, что Бахтин вполне владел метаязыком советской идеологии и отчасти вынужденно приспособлялся к «текущему моменту». См.: *Васильев Н. Л.* М. М. Бахтин в Саранске: Опыт исследования идеологической мимикрии в условиях сталинизма // Культурное строительство в Мордовии (1930—1950-е годы): Мат. республиканской научно-практической конф. Саранск, 2001. С. 20—22.

силевым и Бахтиным, но подписанной для большего веса именами последнего как заведующего кафедрой и двух факультетских начальников¹⁰¹. (Указанная публикация предшествовала соавторской рецензии и в какой-то мере, видимо, подвинула авторов к дальнейшему сотрудничеству.) Речь в ней шла о защите профессионализма коллеги-женщины, работавшей вместе с Бахтиным и Васильевым на одной кафедре: «Он [Бахтин] во всем шел навстречу, готов был всегда помочь, а если понадобится, то и защитить. Помнится такой случай: на лекцию к одному из наших преподавателей пришли, никого не предупредив, две шустренькие девушки, корреспондентки молодежной газеты, а затем в печати предъявили несправедливые, ничем не обоснованные обвинения. Михаил Михайлович был этим крайне расстроен и возмущен. В ответе на порочащую публикацию, которую готовил в основном он сам, была показана полная несостоятельность и даже безграмотность заключений незадачливых “критиков”. Материал этот опубликовала за подписью группы преподавателей, в том числе и Бахтина, газета “Советская Мордовия”»¹⁰².

А вот что рассказывает об этом эпизоде административной деятельности Бахтина непосредственный участник тех событий и самое заинтересованное в них лицо — В. Б. Естифеева¹⁰³: «К критике в свой адрес, временами активизировавшейся, М. М. Бахтин относился спокойно. Он отвечал на нее только тогда, когда нельзя было не отвечать. Но в отношении членов кафедры и студентов он не терпел никакой несправедливости <...>. Коснусь в этой связи своей истории. Л. Г. Васильев упомянул о ней мимоходом в своих воспоминаниях “Фальши не терпел”¹⁰⁴. Зимняя сессия студентов-заочников, январь 1958 года. В перерыве между лекциями ко мне подошли две молодые особы и, не представившись, с ходу заявили: “Ваши студенты не читают положенных по программе текстов. Они пользуются пересказами и чужими конспектами. При этом все получают хорошие и отличные оценки”. Такая бесцеремонность вызвала ответную реакцию. Я сказала довольно резко: “Занимайтесь своими делами. Судить о студенческих знаниях позволяйте мне”. Они ушли. Через несколько дней в единственной тогда республиканской молодежной газете “Молодой ленинец” появилась статья “О человеке-”невидимке” и видимых недостатках”. В ней говорилось о несерьезном отношении студентов к подготовке экзаменов по зарубежной литературе и в негативных тонах характеризовалась моя лекция (как выяснилось позже, они посетили один час двухчасовой обзорной лекции)»; «Михаил Михайлович пожелал узнать, что произошло. Он посоветовал мне успокоиться, сказав, что во всем разберется сам. Позже от Елены Александровны

¹⁰¹ Бахтин М., Гуцин Е., Киселев А. Об одном несерьезном выступлении // Сов. Мордовия. 1958. 12 февр.

¹⁰² Васильев Л. Г. Указ. соч. С. 112. Со слов отца, тактично умолчавшего в цитируемых воспоминаниях о собственном участии в подготовке опровержения, нам известно, что предварительный текст заметки был написан им, после чего передан для редактирования Бахтину; сама же инициатива необходимости публичной «защитительной речи» исходила именно от последнего.

¹⁰³ О В. Б. Естифеевой см.: История Мордовии в лицах: Биогр. сб. Саранск, 2001. Кн. 4. С. 92—93.

¹⁰⁴ См.: Васильев Л. Г. Фальши не терпел: М. М. Бахтин в Саранске // Изв. Мордовии. 1994. 2 нояб. (вариант указанной выше публикации. — Н. В.)

(жены Бахтина. — Н. В.), близко к сердцу принимавшей неприятности, происходившие на кафедре, я узнала, что Михаил Михайлович был у секретаря Мордовского обкома партии Г. Я. Меркушкина (позже ректора университета) и беседовал с редактором республиканской газеты П. В. Шавензовым. Получив согласие на опровержение, он, в соавторстве с членом кафедры Л. Г. Васильевым¹⁰⁵, составил письмо в редакцию; «Письмо было опубликовано с небольшими коррективами редактора — так, слово “глумление” всюду было заменено “зубоскальством”. Оно вышло под заглавием “Об одном несерьезном выступлении”. Под письмом стояли три подписи: М. М. Бахтина, Е. П. Гущина, секретаря партбюро историко-филологического факультета, А. Л. Киселева, декана историко-филологического факультета. В письме подробно рассматривалась заметка в молодежной газете, указывалось на неадекватность поведения корреспондентов»¹⁰⁶.

О том, за что именно критиковали журналисты «Молодого ленинца» (органа республиканского обкома ВЛКСМ) вузовского преподавателя, в какой эстетической и этической манере была написана их статья, как ответила на нее администрация факультета в печатном органе республиканского обкома КПСС и кто был прав в той непростой ситуации, предоставляем судить самим читателям (см. Приложения: IV, V)¹⁰⁷.

3.

Вопрос о «спорных текстах» остается одним из наиболее актуальных в плане истории советской гуманитарной (психология, литературоведение, лингвистика, философия языка) науки 1920-х гг. Не случайно ему было уделено особое внимание на состоявшейся в 1999 г. в шеффилдском Бахтинском центре (Великобритания) конференции по теме «В отсутствии мастера: неизвестный круг Бахтина»¹⁰⁸. Ранее высказывалось пожелание считать данную проблему принципиально не решаемой (С. С. Аверинцев). Теперь же большинство исследователей предпочитают говорить о содружестве разноплановых ученых, в котором рождались те или иные идеи, тексты, избегая какой-либо категоричности в этом вопросе, а иногда и с раздражением воспринимая прежние попытки приписать исключительное авторство «спорных текстов» Бахтину. Симптоматичны в данном отношении, например, следующие констатации: «1924 — 1930. Опубликованы три книги (“Фрейдизм”, 1927; “Формальный метод в литературоведении”, 1928; “Марксизм и философия языка”, 1929) и серия статей по философской лингвистике, социальной психологии и литературоведческой методологии под именами

¹⁰⁵ По свидетельству В. Б. Естифеевой (28. 10. 03), Бахтин нередко обращался с просьбами такого рода к Л. Г. Васильеву, с которым его связывали дружеские отношения. Вероятно, речь может идти и об их сотрудничестве в плане подготовки отдельных кафедральных, методических и иных документов. Непосредственно от отца нам об этом слышать не приходилось.

¹⁰⁶ *Естифеева В. Б.* Воспоминания о М. М. Бахтине (Второе десятилетие в Саранске). ДКХ. 2000. № 2. С. 129—130.

¹⁰⁷ По поводу «шустрых девушек» заметим, что они, как выяснилось, являлись дипломированными журналистами, окончившими престижные филологические вузы страны и направленными по распределению в столицу Мордовии; позже обе уехали из Саранска и работали в центральных периодических изданиях.

¹⁰⁸ См.: *The Bakhtin Circle: In the Master's Absence* / Ed. by C. Brandist, D. Shepherd, G. Tihanov. Manchester; N. Y: Manchester University Press, 2004.

друзей М. М. Б<ахтина> — В. Н. Волошинова, П. Н. Медведева и И. И. Канаева; М. М. Б<ахтин> участвовал в написании этих работ, степень и форма его участия остаются спорным вопросом»¹⁰⁹; «Для меня самого первый и в определенном смысле “главный” вопрос уже решен: при отсутствии неотразимого свидетельства об авторстве Бахтина логичнее считать, что спорные тексты написали те самостоятельные, некогда жившие и действовавшие ученые, под чьими фамилиями книги были опубликованы»¹¹⁰; «Сегодняшнее состояние изученности вопроса об авторстве так называемых “спорных текстов” не дает убедительного опровержения того, что “Марксизм и философия языка”, “Формальный метод” были написаны именно теми авторами, которые значатся на обложках первых изданий данных книг, т. е. Волошиновым и Медведевым, — с участием, однако, Бахтина, выразившимся в обсуждении некоторых ключевых идей указанных книг и, вероятно, привнесении в них в отдельных случаях соответствующей фразеологии»¹¹¹.

Таким образом, можно констатировать, что за последние 20 лет в «бахтинистике» произошел существенный сдвиг в отношении представлений о «спорных текстах». Если раньше они воспринимались как безоговорочно бахтинские, то теперь это мнение поколеблено. Полемика относительно обсуждаемых книг и статей была необычайно плодотворна для филологии в целом, поскольку стимулировала методы определения авторства, что являлось особенно актуальным в условиях, когда те же вопросы решались применительно и к литературной классике, в частности «Тихому Дону» М. А. Шолохова, наследию поэта-декабриста Г. С. Батенькова, и другим эстетическим феноменам.

ПРИЛОЖЕНИЯ

I

Первая страница рукописи Л. Г. Васильева с правкой М. М. Бахтина

II

Первая страница рукописи М. М. Бахтина с правкой Л. Г. Васильева

III

«На рассвете»

Репертуар Мордовского государственного театра драмы все еще беден пьесами местных авторов. Драматургия Мордовии, к сожалению, пока что также небогата и не отличается большим жанровым разнообразием. Вот почему каждое новое произведение мордовской драматургии, тем более напи-

¹⁰⁹ См.: Хронограф жизни и деятельности М. М. Бахтина: Основные даты / Сост. С. Г. Бочаров, В. И. Лаптун, Т. Г. Юрченко // М. М. Бахтин: Беседы с В. Д. Дувакиным. С. 376.

¹¹⁰ *Ренфру А.* (Шотландия). Не все вопросы должны остаться открытыми: Крайне субъективные заметки о конференции «В отсутствие мастера: неизвестный круг Бахтина (Шеффилд, 7—9 октября 1999 года)» / Пер. с англ. Н. А. Панькова // ДКХ. 2000. № 2. С. 157.

¹¹¹ См.: *Tihanov G.* The Master and the Slave: Lukács, Bakhtin, and the Ideas of Their Time. Oxford: Clarendon Press, 2000. P. 8 (пер. цитируемого фрагмента наш). См. также: *Brandist C.* The Bakhtin Circle: Philosophy, Culture and Politics. London, 2002. P. 8—9.

санное в новом для нее жанре, вызывает живой интерес общественности.

Новая пьеса Г. Меркушкина «На рассвете» и постановка ее на сцене Мордовского театра драмы безусловно заслуживает самого пристального внимания и тщательного анализа.

Пьеса написана в жанре советской народно-героической драмы. Этот жанр, ровесник самой советской драматургии, имеет определенную, хорошо выработанную и отстоявшуюся традицию.

Для него характерна прежде всего историко-героическая тема — победа революции, завоеванная народом в суровых боях гражданской войны. Судьбы людей — действующих лиц драмы — неотделимы от судьбы революции, вросли в нее. Этими особенностями темы определяются и все другие черты жанра: противопоставление двух лагерей — революции и контрреволюции, органическое сочетание и революционно-романтической героики и острой сатиры (при обрисовке лагеря контрреволюции), раскрытие ведущей роли Коммунистической партии, преодолевающей стихийность и анархизм, изображение разных путей интеллигенции к революции, передача неповторимого исторического колорита, эпохи, образы революционных моряков и т. д.

Все эти черты жанровой традиции мы находим и в пьесе Г. Меркушкина. Снижает ли это оригинальность пьесы? Конечно, нет. Ведь при всей общности каждая из пьес этого жанра отличается яркой индивидуальностью и не похожа на другие. И у пьесы Г. Меркушкина — свое индивидуальное лицо, своя оригинальная трактовка знакомых элементов жанровой традиции.

Прежде всего хочется отметить строго выдержанный исторический и местный колорит драмы. Г. Меркушкин, историк по научной специальности, тщательно выверил историческую обстановку как в целом, так и отдельные ее подробности.

Действие драмы происходит в двадцатых числах апреля 1919 года на одном из участков южной группы восточного фронта. У главных действующих лиц драмы есть, вероятно, свои реальные прототипы. Исторически обоснована и связь действия с мордовским народом. Одна из армий южной группы восточного фронта формировалась в Саранске и Рузаевке, и в ее составе было немало представителей мордовской национальности, а в районе действия этой группы находились мордовские села. Показательна и такая подробность. Образ революционного моряка — характерный элемент жанровой традиции. Но в других пьесах это матрос-балтиец, у Г. Меркушкина же Орлов — черноморец, потому что мобилизованных для флотской службы в районах Мордовии направляли чаще всего именно в черноморский флот. Такие отдельные исторические подробности важны, конечно, не сами по себе, но все они в своей совокупности создают тот своеобразный и верный исторический и местный колорит, которым отличается драма «На рассвете».

Очень удачно выбран автором и самый момент действия драмы — момент кризиса и резкого перелома в военной обстановке на данном участке фронта. Успешное наступление белых создало крайне угрожающее положение. Революция в опасности! С этого начинается драма. В атмосфере мощного подъема, вызванного призывом В. И. Ленина, начинается успешное контрнаступление наших войск, в результате которого резко меняется вся обстановка.

Этот быстрый и резкий перелом от временных поражений к победе, от

ночи ко дню придает напряженный драматизм всему действию и особую значительность, весомость каждому поступку и слову ее действующих лиц. В этом, по нашему мнению, большая драматургическая удача автора.

Пьеса Г. Меркушкина трудна для сценического воплощения. Автор не упрощает сложной исторической обстановки 19-го года, не обедняет человеческого разнообразия участников героических событий. Потому в пьесе 28 действующих лиц (из них, в соответствии с жанровой традицией, около половины безыменных), много сложных и трудных для постановки массовых сцен. Творческий коллектив театра и режиссер-постановщик В. В. Пятков проделали большую, плодотворную работу и сумели создать интересный, волнующий спектакль.

В центре действия драмы стоит командующий одной из армий восточного фронта Громов. Это — тип культурного, образованного командира Красной Армии. Позади у него большой стаж подпольной революционной работы, годы эмиграции, он встречался с В. И. Лениным в Петербурге, Женеве, Лондоне. Свою судьбу он не отделяет от судьбы революции, для которой трудился всю жизнь. Он полон непоколебимой уверенности в правоте своего дела и в неизбежности победы революции и потому всегда спокоен, тверд и выдержан. Это **цельный** характер; но в то же время в нем нет ничего жесткого, «твердокаменного». Он глубоко человечен, чуток и даже нежен. Теплую лирическую струю вносит в его образ тема поисков потерянного сына. Важная черта Громова — его последовательная борьба за людей (за Виталия, за Веру), его **умное доверие** к людям. Громов осуществляет призыв партии бороться за человеческие кадры, за привлечение на сторону Советской власти лучших представителей интеллигенции.

Этот центральный образ пьесы создан заслуженным артистом МАССР А. Новопавловским. Он ведет роль в строгих, сдержанных тонах, без внешних эффектов, без командирских замашек и поз. Роль Громова — одна из наиболее удачных ролей артиста А. Новопавловского.

Интересен и образ революционного матроса, боевого разведчика Орлова. В нем есть что-то от знаменитого треневского Шванди. Всех их роднит железная стойкость и бесстрашие, сочетающиеся с незатухающим оптимизмом, веселым юмором. Образ Орлова — вполне самостоятельный, наделенный автором многими своими, неповторимыми чертами.

Народный артист МАССР С. Колганов тонко, с достаточным чувством меры доносит до зрителя обаятельный облик своего героя. С. Колганов в роли Орлова ведет себя непринужденно, просто, играет с увлечением, с душой. Может быть, особенно удается ему сцена, когда разведчик, выполняя приказание командования, отправляется на взрыв моста. Операция предстояла очень опасная, и мало было надежды, что удастся вернуться обратно. Орлов невольно вспоминает родную Рузаевку, своих товарищей-деповцев, жену, сына. Доведется ли встретиться с ними? И как хочется жить! Но интересы революции, воинский долг для Орлова — дороже всего. И он пошел, пошел без колебания, без страха. Но у него есть одна просьба. Он передает Фирсову свою бескозырку: «Если со мной что случится, доставьте сыну... Пусть помнит мальгой отца...».

Значительное место отведено в драме учительнице Станковой. Образ этот правдив и глубоко типичен: в нем воплощены прекрасные черты русской

женщины, в которой любовь к детям сочетается с верностью гражданскому долгу. Станкова ни в чем не идет на сделку со своей совестью. Она готова проклясть родного сына, если его руки будут запятнаны кровью защитников Советской власти.

Символически звучат слова, с которыми в финале пьесы Станкова обращается к воинам славной Красной Армии: «Дети мои! — вдохновенно говорит она. — Гоните прочь всю нечисть с нашей Родины. На славные дела благословляю вас, дети мои!».

Заслуженная артистка МАССР Е. Террочиано, исполняющая роль Станковой, смогла создать обаятельный, запоминающийся образ. Особенно хорошо передает она душевность этой простой русской женщины, всю свою сознательную жизнь посвятившей благородному делу просвещения мордвы.

Симпатии зрителей вызывает и дочь Станковой Галия. Привлекает она своей собранностью, бесстрашием. Мы видим ее смелой разведчицей, которая в штабе белых собирает и передает ценные военные сведения, а потом — комиссаром полка, взбудораженного анархистски настроенными элементами.

Артистка А. Олейник в роли Галии с большим темпераментом, ярко и убедительно проводит все сцены в белогвардейском штабе. Но в последующих сценах (особенно в мятежном полку) образ Галии как-то тускнеет, становится несколько вялым и не вполне убедительным. Возможно, что некоторую долю вины в этом несет и автор пьесы. Нам кажется, что следовало бы внести в поведение Галии в последних сценах больше страстности и динамичности.

Некоторые сомнения вызывает также роль брата Галии — Виталия (артист В. Федоров). Согласно авторскому замыслу, Виталий — личность сложная. Он — горячий патриот, но представления его о Родине, патриотическом долге не сразу находят правильное выражение. В первое время юноша оказывается в лагере белых. Ему кажется, что именно здесь он служит своей России. Но постепенно Виталий, который по своему происхождению и воспитанию был близок к народу, убеждается в ошибочности своих представлений и переходит на сторону Советской власти.

Хорошо задуманный и типический образ, как нам кажется, не получил достаточно убедительного сценического воплощения. В первой сцене Виталий проявляет безволие и растерянность. Зритель не чувствует, что в его душе уже созревает самостоятельное решение покинуть антинародный лагерь Колчака.

Важное место в драме занимает тема дружбы русского и мордовского народов. С большим уважением и признательностью относится мордовское население к своим русским братьям, борющимся за достижение общей благодной цели — утверждение Советской власти. Мордовские крестьяне оказывают поддержку попавшему в распоряжение белых разведчику Орлову, смело встают на защиту учительницы Станковой.

С особой любовью выписан образ старой мордовской женщины Анны. Он очень правдив и рельефен. Анна многое испытала на своем веку, много перенесла от господ-эксплуататоров. Ненависть к угнетателям и жажда свободы привели ее в лагерь активных борцов за Советскую власть. Анна соединяет в себе многие лучшие черты мордовского национального характера — высокое чувство собственного достоинства, уважение к справедливости, непре-

клонное стремление к поставленной цели, бесстрашие, душевную мягкость.

Обаяние Анны, все богатство ее натуры успешно воспроизводит заслуженная артистка МАСССР А. Аржадеева. Ее Анна по-настоящему волнует зрителя.

Одно из главных действующих лиц драмы — мордвин Толлов, заместитель начальника разведывательного отдела армии. Нарисован он также с большой симпатией. Это уравновешенный и бесстрашный человек, решительно идущий на любую рискованную операцию. Артист А. Булычев сумел творчески подойти к этой роли, создал сильный и оригинальный образ.

Заслуженная артистка МАСССР Е. Миронова доходчиво передала сложную душевную эволюцию Веры. Знаменитая пианистка, когда-то окруженная толпой поклонников из высшего офицерства, она только в лагере красных впервые увидела настоящих людей и настоящую жизнь и навсегда связала свою судьбу с судьбой революции.

Сатирически изображены в драме враги. Перед зрителем проходят колоритные фигуры генерала Санжина (засл. арт. МАСССР М. Богданов) с его заученным набором фальшивых фраз, похотливого и трусливого шкурника полковника Милославского (арт. Б. Авербух), колчаковского разведчика Языкова (арт. Н. Иванов), троцкиста Брона (арт. Г. И. Ситкин).

Один из недостатков постановки — не вполне удовлетворяющее музыкальное оформление. Следовало бы использовать музыку Д. Шостаковича и подобрать вариации на мотивы известных военно-революционных песен эпохи гражданской войны, а для соответствующих сцен дать что-нибудь из мордовской музыки. Это усилило бы исторический и местный колорит спектакля.

В целом, по нашему мнению, пьеса Г. Меркушкина безусловно является шагом вперед в развитии мордовской драматургии, а ее сценическое воплощение — отрядным событием в театральной жизни нашей республики.

М. БАХТИН,

кандидат филологических наук.

Л. ВАСИЛЬЕВ,

кандидат филологических наук.

IV.

О «Человеке-невидимке» и видимых недостатках

Вы, вероятно, согласитесь, что новаторство в подготовке к экзаменам, особенно к экзаменам по литературе — вещь довольно-таки интересная. Но при университете нет БРИЗа. Поэтому рационализаторским предложением студентов III курса историко-филологического факультета пришлось заняться нам.

Обстановка в аудитории, где собрались студенты группы «а», пугала своей многозначительной таинственностью. На доске столбиками, как на уроке арифметики, написано: «фин, Тит, — Ген», «Дж, Смайлс», «Мэрри». У доски с мелом в руках стоит студент М. Ковнин. Ему выпал жребий — рассказать

товарищам содержание романа Г. Фаста «Последняя граница».

— Действующими лицами романа являются: Тупой нож, Маленький волк и...

— Стой, стой! Кто они? Люди или звери?

Ковнин терпеливо поясняет, что все они — люди. Только одни — индейцы, а другие — американцы.

В конце концов студенты записали все злоключения племени шайенов и, не разогнув уставших спин, потребовали:

— Следующий!

На доске появляется новое имя: Анри Барбюс.

— Давай основные сцены. Содержание мы в лекциях прочтем...

Следующим был Драйзер. Студентка, «специализировавшаяся» по Драйзеру, начала пересказ романа «Титан». Опять замелькали имена, события, сцены. Некоторые похождения Фрэнка Каупервуда пришлось повторить, ибо через десять минут слушатели наконец запутались в его любовных интригах.

В перерыве, пошатываясь от головокружения, мы вышли в коридор.

— Что здесь происходит? Кроссворд. Литературная викторина? — обращаемся к круглолицей девушке с темными косами.

— Что вы! — изумляется она. — Какая уж тут викторина: полмесяца до экзаменов по зарубежной осталось. А список — вот он... И имена все такие — язык сломаешь.

— Скажи спасибо комсомольскому собранию. Хорошо, что постановили пересказывать друг другу содержание произведения, — вмешивается в разговор студент в лыжном костюме. — А то бы ты запела вместе с этим... как его Гек-кль-бери Финном и Фрэнком Каупер-вудом. И что бы ты знала о «Человеке-невидимке», если бы не я?

— Брось хвастаться, Кудашкин, у Уэльса всего один главный герой — и тот невидимый. Вон Начаркин «Деньги» Золя сумел до всех довести... и то ничего.

— Не «Деньги», а «Добычу».

— Какая «Добыча»?

Я же прекрасно помню, что там Ругон — Маккар фигурирует.

— Не Ругон — Маккар... Это же Саккар символизирует разложение буржуазного мира.

Рука девушки со списком беспомощно опускается, взгляд становится растерянным.

— Но ведь не каждое произведение можно кратко пересказать, — робко замечаем мы, — «Пера Гюнта», например...

— А что это такое?

— Это пьеса Ибсена.

— Такого в списке обязательной литературы нет.

— У нас только «Кукольный дом», а там все ясно.

— А какие же выводы делаете вы из пересказанного?

— Выводы? Зачем? Нам содержание надо знать, а выводы есть в лекциях Валентины Борисовны.

Возбужденное любопытство гонит нас на «лекции с выводами».

Но мы, кажется, ошибаемся аудиторией: лекция была похожа скорее на нечто вроде диктанта.

Приличие обязывает вздохнуть, сделать умный вид и попытаться слушать. Однако своеобразие лекции-диктанта заставило быть более внимательными. В тексте лекции повторялось, по крайней мере, два предложения: «Произведение писателя Анны Зегерс «Мертвые остаются молодыми» изображает Германию фашистского режима». «Образ Мартина» символизирует собой наличие подполья в фашистской Германии».

Затем эти фразы повторялись при соответственном изменении названия произведения, имени писателя и главного героя.

В течение академического часа В. Б. Естифеева «проанализировала» творчество Зегерс, Бределя, Бехера.

«Лекция» заканчивалась выводом-головомлкой: «Вот краткие сведения о современных немецких писателях, произведения которых заслуживают внимания потому, что они «истории своих героев раскрывали на истории исторических событий». Это был диктант-задача, диктант-игра, диктант-цирковой фокус, который преподносился студентам, как лекция по зарубежной литературе!

Мы просмотрели записи этих лекций у некоторых студентов и убедились, что в такое же прокрустово ложе были уложены и другие писатели.

Через час нам уже казалось, что нет в мире сейчас страстной борьбы вокруг реалистического метода, что не может быть никакого эстетического удовольствия от чтения взволнованного «Слова перед казнью», от остроумия бравого Швейка, рифмованной прозы Ромэна Роллана, печальной истории Кренкбиля: есть только биографии, символы, сюжеты, разоблачения...

Теперь мы уже не удивлялись, что имена Мопассана, Олдриджа, Лаффита, Франса звучали для студентов третьего курса историко-филологического факультета одинаково: все они были иностранцы и все в меру своих способностей разоблачали буржуазный мир.

Ради справедливости нужно сказать, что ученики пошли дальше своего учителя. Если В. Б. Естифеева сумела найти удобную схему для всех произведений, которые она читала (да простит она нас за это дерзкое предположение), то ее подопечные смогли вывести формулы и разработать схемы лишь на основе товарищеского пересказа сюжетов произведений.

А. Крепкова, Г. Суханова.

V

ОБ ОДНОМ НЕСЕРЬЕЗНОМ ВЫСТУПЛЕНИИ:

Письмо в редакцию

26 января этого года газета «Молодой ленинец» поместила корреспонденцию А. Крепковой и Г. Сухановой «О «Человеке-невидимке» и видимых недостатках». В ней делается попытка вскрыть некоторые слабые стороны в учебно-воспитательной работе на историко-филологическом факультете

Мордовского государственного университета. Такое стремление, безусловно, следует приветствовать. Однако в данном случае выступление получилось, на наш взгляд, крайне несерьезным.

В первую очередь, корреспонденция написана в недоброжелательном тоне, не свойственном нашей печати.

Авторы допустили недобросовестность и нарушение журналистской этики при использовании фактов в своей корреспонденции.

Студенты представлены в ней людьми недалекими, малокультурными. Они якобы не читают текстов художественных произведений зарубежной литературы и пользуются только пересказами. Конечно, студенты бывают разные, но зачем же частное выдавать за общее!

На комсомольском собрании третьего курса мордовского отделения, действительно, ставился вопрос о том, чтобы в период подготовки к экзаменам рассказывать друг другу о произведениях зарубежной литературы конца XIX века. Но речь шла о докладах по творчеству того или иного писателя, а не о простом пересказе произведения.

Авторы корреспонденции не попытались разобраться в существе вопроса, а ограничились только осмеянием студентов, допустив при этом недостойное зубоскальство, например, над затруднениями студентов в произношении и запоминании трудных для них иностранных имен. Подобное зубоскальство не может оказать никакой помощи студентам, а может их только оскорбить.

В совершенно недопустимом тоне говорят авторы о преподавателе университета В. Б. Естифеевой, человеке, пользующемся уважением студентов и преподавателей факультета. Здесь нет ни грана серьезной, ответственной критики. Все основывается на передергивании, искажениях. Авторы корреспонденции посетили только один лекционный час (т. е. половину лекции) В. Б. Естифеевой, притом последний час всего курса, когда обычно дается обзор, итог пройденному.

Ясно, что при таком условии нельзя судить о работе преподавателя при самом добросовестном и компетентном подходе к делу. Но ни добросовестности, ни компетентности А. Крепкова и Г. Суханова не проявили. Они неверно назвали даже тему лекции, привели в кавычках, приписав В. Б. Естифеевой, свои собственные фразы, обличающие их стилистическую беспомощность и нежелание разобраться в лекции.

Проверкой установлено, что авторы корреспонденции беззастенчиво искажали лекцию. Они, впрочем, и сами признаются, что были невнимательны на лекции, старались «сделать умный вид (!) и попытаться слушать».

Кстати, тот лекционный час, который они посетили, был посвящен немецкой литературе (Зегерс, Бредель, Бехер), а о Фучике, Гашеке, Роллане и Франсе ни одним словом не упоминалось. Зачем понадобилось такое передергивание?

В заключение следует отметить и нетактичность поведения А. Крепковой и Г. Сухановой. Они прокрались «невидимками» в университетскую аудиторию в верхней одежде, не представились преподавателю (этого требовала элементарная вежливость), и через час удалились, не побеседовав ни с кем. Ничего не знали об этом посещении ни деканат, ни партийная и комсомольская организация факультета.

Недостатков в лекциях преподавателей и в знаниях студентов на историко-филологическом факультете, конечно, еще много. В преодолении их полезную роль может и должна сыграть и газета «Молодой ленинец». Только говорить о недостатках надо по-деловому. Нельзя здоровую критику подменять зубоскальством.

Редакция газеты «Молодой ленинец», поместив корреспонденцию А. Крепковой и Г. Сухановой «О «Человеке-невидимке» и видимых недостатках», на наш взгляд, допустила серьезную ошибку. Мы надеемся, что впредь газета будет объективно, со знанием дела, с партийных позиций освещать учебно-воспитательную работу в университете и этим окажет нам серьезную помощь».

М. Бахтин,
кандидат филологических наук,
Е. Гушин,
секретарь партбюро
историко-филологического факультета,
А. Киселев,
декан историко-филологического факультета

Мениппейное начало в поэтике романа Л. Леонова «Пирамида»

В. В. ЗДОЛЬНИКОВ

Сам автор «Пирамиды» жанрово идентифицировал последнее своё произведение как «роман-наваждение». Слово «наваждение», по Далю, многозначное: от «искушения» и «обмана чувств» до «призрака» и «мороки». Подобным обозначением жанровой разновидности романа Леонов обрёл себя, в силу «исторической памяти жанра», на следование поэтике мениппеи, ибо «во всей мировой литературе мы не найдём более свободного по вымыслу и фантастике жанра¹. Чем и объясняется, очевидно, не характерные для прежних романов писателя свобода сюжетного вымысла, широта стиливого диапазона — от философского универсализма до грубого натурализма. Среди, по авторской оценке, «неправдоподобных событий настоящего повествования» три особенно выделяются безудержной игровой фантазией и «ме-

¹ Бахтин М. Проблемы поэтики Достоевского. М., 1979. С. 131